БИБЛІОТЕКА

№ 10

Б. ЯКОВЕНКО

ФИЛОСОФІЯ БОЛЬШЕВИЗМА

БИБЛИОТЕКА
СОЦІОЛОГІЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
АКАДЕМІЯ

Русское Универсальное Издательство
Берлинъ
1 9 2 1

Вступленіе.

1.

Философія и жизнь, сколь бы ни казались онѣ различны, на первый взглядъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и отношеніяхъ, и сколь бы ни расходились въ нѣкоторые моменты, по существу дѣла находятся, чтобы не сказать больше, въ естественной связи и постоянномъ взаимоотношеніи другъ съ другомъ. Всякая философія, даже самая отвлеченная, даже самая спеціальная, неизбѣжно въ самомъ началѣ своемъ отправляется отъ жизни, ибо жизнь есть та среда, въ которой данъ любой матеріалъ анализа и рефлексіи. И по тому же самому, и она сама, является неизбѣжно болѣе или менѣе отдаленной, болѣе или менѣе проникновенной интерпретаціей жизни, живого существованія живого сущаго. Философія, такъ или иначе, есть (и должна быть) не что иное, какъ познавательная, осмысленная система всего существующаго. Философствовать значитъ, въ концѣ концовъ, не больше и не меньше, какъ искать подлиннаго существа и смысла жизни. Можетъ быть, результатомъ философствованія будетъ глубокая принципіальная переработка или трансформація непосредственно переживаемаго опыта; можетъ быть даже, философская мысль должна будетъ прійти къ объективному признанію иллюзорности, мнимости непосредственно воспринимаемыхъ вещей и реконструировать вслѣдъ истинное лицо сущаго; но во всякомъ случаѣ и при всѣхъ обстоятельствахъ философія будетъ оставаться углубленной рефлексіей на жизнь и выясненіемъ ея подлинной сущности.

Въ свою очередь, всякій моментъ жизни, всякое переживаніе, даже самое брутальное, даже самое ординарное, даже самое отрывочное и специфицированное, стремится быть осмыслено, опознано въ контекстѣ болѣе обширнаго жизненнаго цѣлаго, понято въ своемъ значеніи, своей цѣли, своей сущности, и потому является, хотя бы самомалѣйшимъ образомъ, при самомъ своемъ изживаніи, предметомъ рефлексіи, предметомъ философствованія. Жить значитъ не только воспринимать и чувствовать, но и понимать. Даже самый рудиментарный, самый примитивный человѣкъ является, такимъ образомъ, естественнымъ философомъ, ибо обладаетъ хотя бы самымъ простымъ и элементарнымъ міросозерцаніемъ или жизнепониманіемъ, въ свѣтѣ котораго и при помощи котораго изживаетъ свой жизненный опытъ, т. е. сущее.

И чѣмъ больше отдается жизнь этому своему естественному внутреннему устремленію къ осмысленности, тѣмъ ближе она къ философіи; и чѣмъ больше соотвѣтствуетъ философія своей высшей и почетнѣйшей задачѣ — быть мудролюбіемъ, тѣмъ больше она приближается къ жизни. Такъ что въ предѣлѣ можно сказать, что философія функціонируетъ и должна стараться все совершеннѣе функціонировать, какъ смыслъ жизни, а жизнь быть воплощеніемъ, реализаціей философіи. Совершенный человѣкъ былъ бы истиннымъ мудрецомъ, зналъ бы сущее въ точномъ и подлинномъ смыслѣ этого слова, и наоборотъ.

Это глубокое, внутреннее взаимоотношеніе между философіей и жизнью особенно, до болѣзненности ясно ощущается въ бурныя минуты человѣческаго существованія, когда потрясаются его основы и крушатся его привычныя формы и излюбленныя формулы, когда человѣчество бываетъ охвачено мучительной спазмой перерожденія, перехода къ новой жизни. Ибо, съ одной стороны, въ такіе моменты подъ безпощадными ударами жизне-свершенія передъ философской мыслью разомъ раскрывается либо безжизненная и теплодотворная отвлеченность, либо поверхностность и легкомысліе, либо предразсудочность и односторонность многихъ ея ученій и построеній; съ другой же стороны, въ самой жизни наступившіе кризисъ, ломка, хаосъ и дезориентація пробуждаютъ повелительную потребность дать себѣ самый точный и основательный

отчетъ въ томъ, что произошло, отчего это произошло, каковъ смыслъ происшедшаго, что было сдѣлано необыкновеннаго раньше, что достигнуто, къ чему мы идемъ, и чего должны добиваться. Словомъ, въ такіе моменты и жизнь и философія требуютъ углубленной рефлексіи и напряженнаго философствованія. Переоцѣнка всѣхъ цѣнностей и новое духовное творчество, новыя философскія концепціи и системы — вотъ духовный лозунгъ въ такія времена.

Европа, да и все человѣчество, какъ разъ переживаетъ сейчасъ такой моментъ. Спору нѣтъ и быть не можетъ: мы — въ серединѣ грандіозной и глубокой культурно-общественной и духовной трансформаціи. Передъ нами эпоха великаго, рѣдкаго по своему объему человѣческаго потрясенія и крушенія. Старыя формы жизни, тѣ самыя, которыя либо обновились, либо сложились въ эпоху Великой Французской Революціи, трещатъ и распадаются; новые элементы, новыя силы сквозь трещины просачиваются наружу и требуютъ властно новыхъ формъ, новыхъ отношеній, новыхъ жизненныхъ установленій. Шатаются и даже рушатся или переживаютъ глубокую трансформацію самыя основы современнаго міра: принципъ собственности, форма государственнаго бытія, экономическая конституція человѣчества, понятія человѣческой личности, общества, свободы. И ясно, что для философіи пробилъ часъ новой радикальной и всепроникающей рефлексіи, — дабы освѣтить сгустившійся мракъ жизни, чтобы распутать запутавшійся ея клубокъ, чтобы дать самой философіи вновь пріобщиться къ живому конкретному источнику всякаго мышленія и набраться силъ для насущнаго новаго творчества и строительства.

2.

Переживаемое нами грандіозное потрясеніе началось жестокой борьбой демократизма съ автократизмомъ, въ которой побѣдилъ первый, смета съ лица земли самодержавіе, какъ политическій институтъ и принципъ. Либеральный европейскій Западъ повергъ на земь консервативный Востокъ Европы во имя свободъ просвѣщеннаго демократизма. Но этимъ на Востокѣ былъ вызванъ такой соціально-политическій

вѣка. Какъ всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ, такъ и въ данномъ случаѣ не столько историческое изслѣдованіе, или статистика, или политическая публицистика, сколько глубинная философія исторіи и жизни можетъ сказать намъ, каково всечеловѣческое значеніе происходящаго, и чего ждать отъ него для будущаго. Но, разумѣется, для того, чтобы достичь дѣйствительно такого углубленнаго философскаго проникновенія, необходимо совершить цѣлый рядъ предварительныхъ анализовъ и разсмотрѣній историческаго и соціально-политическаго характера. Прежде, чѣмъ произвести основательную оцѣнку большевизма, необходимо посмотрѣть, что разумѣется in concreto подъ этимъ словомъ и понятіемъ, каковъ ходъ развитія этого феномена жизни и исторіи, съ какими умственными концентраціями оно сопряжено de facto, какъ оно преломляется въ умахъ современниковъ и какія ему даются квалификаціи и оцѣнки. И къ этому-то мы сейчасъ и обратимся, поскольку это позволяютъ краткіе размѣры настоящаго очерка.

3.

Слова «большевизмъ», «большевики» имѣютъ нѣсколько значеній, которыя по большей части сливаются воедино, но которыя необходимо тщательно отличать другъ отъ друга. Большевизмъ — это прежде всего, опредѣленная политико-соціальная программа, около которой сложилась, дѣйствовала и въ результатѣ своихъ дѣйствій одержала ошеломляющую побѣду опредѣленная русская партія. Партія эта возникла въ 1903 году, послѣ раскола русской соціалъ-демократической партіи на большинство и меньшинство, — раскола, происшедшаго изъ-за разногласій чисто-организаціоннаго характера. Большевики были централистами, меньшевики были за относительную децентрализацію въ партійной организаціи. Но и тѣ и другіе твердо стояли на базѣ ортодоксальнаго марксизма, исповѣдуя борьбу классовъ, диктатуру пролетаріата и предвареніе стадіи соціальной революціи стадіей политической революціи и господства буржуазно-либеральнаго демократизма. Съ теченіемъ времени, однако, (главнымъ образомъ послѣ революціоннаго опыта 1905 года) къ организаціонному различію при-

литическимъ инсуррекціонизмомъ также и соціально-экономическій инсуррекціонизмъ.

Во-вторыхъ, подъ большевизмомъ подразумѣвается опредѣленный государственный строй, воплощающій извѣстную соціально-политическую идеологію и программу. Другими словами, это — государственная практика Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики. Характерными особенностями этого строя являются: привиллегированное положеніе въ странѣ класса фабричныхъ рабочихъ, диктатура и надо всей страною вообще, и надъ пролетаріатомъ въ частности коммунистической партіи, осуществляющей ее черезъ посредство принудительно набраннаго въ странѣ войска и спеціально созданной изъ членовъ партіи бюрократіи, — олигархическая власть въ правительствѣ и въ коммунистической партіи надъ пролетаріатомъ и всей страной группы большевистскихъ лидеровъ и отмѣна въ странѣ всѣхъ гражданскихъ свободъ.

Въ-третьихъ, большевизмъ представляетъ собою совокупность ученій, отчасти соціально-политическаго, отчасти философскаго характера, которыя болѣе или менѣе нарочито и сознательно, съ большей или меньшей систематичностью, служатъ идейнымъ фундаментомъ и оправданіемъ и партійной программы дѣятельности, и жизнепроявленій совѣтскаго государственнаго строя.

Въ-четвертыхъ, подъ большевизмомъ разумѣется извѣстное индивидуальное и общественное настроеніе, которое характеризуется моральнымъ постулатомъ, гласящимъ: цѣль оправдываетъ средство, и обнаруживается во всѣхъ формахъ индивидуальнаго и соціально-политическаго экстремизма. Такимъ употребляемо въ этой смыслѣ, слово «большевизмъ» пріобрѣтаетъ чрезвычайно широкое поле примѣненія, ибо обозначаетъ зачастую явленія и состоянія, ничего общаго не имѣющія уже ни съ опредѣленной партійной дѣятельностью, ни съ нынѣшнимъ государственнымъ устроеніемъ Россіи.

Въ-пятыхъ, большевизмъ или максимализмъ это — одна изъ характернѣйшихъ чертъ русской души, явственно и краснорѣчиво сказывающаяся въ великихъ и просто видныхъ представителяхъ русской жизни, исторіи и культуры.

И наконецъ, въ-шестыхъ, подъ большевизмомъ можно разумѣть тотъ идейный и соціально-политическій комплексъ, который онъ несетъ съ собою и осуществляетъ въ исторіи, но котораго сейчасъ, можетъ быть, даже и не осознаютъ или не воплощаютъ какъ слѣдуетъ его невольные осуществители. Это — большевизмъ не въ смыслѣ болѣе или менѣе выраженной и официальной большевистской идеологіи и философіи и не въ смыслѣ нынѣшней актуальной его программы и практики соціально-политическихъ дѣйствій, а съ точки зрѣнія подлинной и внѣпартійной философіи исторіи, — значитъ, въ смыслѣ непредвзятаго и углубленнаго философскаго анализа этого феномена, въ смыслѣ философіи большевизма въ точномъ и прямомъ значеніи этого слова.

Краткія данныя по исторіи большевистскаго движенія.

Лѣтомъ 1903-го года собрался въ Лондонѣ 2-ой съѣздъ Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей партіи. Цѣлью его было утвержденіе партійной программы по проекту главнѣйшаго изъ соц.-демократическихъ органовъ, «Искры», и организаціонное строительство партіи. Что касается первой изъ этихъ задачъ, то она была разрѣшена единодушно; зато вторая задача вызвала горячіе споры и послужила источникомъ постепеннаго распада партіи. Возникшія разногласія касались, главнымъ образомъ, двухъ слѣдующихъ пунктовъ. Во-первыхъ, по проекту Мартова, § 1 партійнаго устава долженъ былъ гласить: Членомъ Росс. С.-Д. Раб. Партіи считается всякій, признающій ея программу, поддерживающій партію матеріальными средствами и оказывающій ей регулярное личное содѣйствіе подъ руководствомъ одной изъ организацій. Наоборотъ, Ленинъ рѣшительно настаивалъ на необходимости того, чтобы членомъ партіи могло быть лишь

ство, принимающее личное участіе въ одной изъ партійныхъ организацій. Во-вторыхъ, участники съѣзда раздѣлились на двѣ группы по вопросу о централизаціи партіи, причемъ большинство, слѣдовавшее за Ленинымъ, высказалось за ея немедленное и рѣшительное усиленіе, тогда какъ меньшинство стояло за самое осторожное, условное и постепенное ея осуществленіе. Результатомъ побѣды Ленинскаго большинства (къ которому въ то время примыкалъ, напр., и Плехановъ) было временное отдѣленіе «Бунда» и ожесточенная фракціонная борьба, выразившаяся, между прочимъ, въ обособленіи меньшинства и учрежденіи имъ даже особаго «Бюро меньшинства», долженствовавшаго для меньшевистскихъ организацій въ Россіи играть роль Центральнаго Комитета партіи.

Весной 1905 года, послѣ продолжительной борьбы между этими двумя теченіями за 3-ій партійный съѣздъ, собралось въ концѣ концовъ два съѣзда, и этимъ фактомъ расколъ былъ окончательно освященъ и зафиксированъ. Къ прежнимъ пунктамъ разногласія прибавился теперь еще новый, касающійся отношенія къ будущему революціонному правительству. А именно, «меньшевики» полагали, что близящаяся революція будетъ въ корнѣ буржуазной, что она, возможно, не будетъ носить характера возстанія и что соц.-демократія, оказывая ей всяческое содѣйствіе, не должна стремиться къ участію во власти; «большевики» же, наоборотъ, полагая, что революція будетъ непремѣнно носить характеръ народнаго возстанія, постановили принять участіе въ революціонномъ правительствѣ, дабы отстаивать, такимъ образомъ, въ самомъ центрѣ будущей власти интересы пролетаріата и крестьянства и вообще толкать посильно событія къ возможно скорѣйшему установленію революціонно-демократической диктатуры трудящихся.

Въ ходѣ событій 1905—1906 годовъ фракціонныя разногласія нѣсколько смягчились, затушевались и отошли на задній планъ. И, потому, на двухъ позднѣйшихъ партійныхъ съѣздахъ (4-омъ въ началѣ 1906 года и 5-омъ въ началѣ лѣта 1907 года) сама собою возобладала объединительная дѣловая тенденція. Между прочимъ, было достигнуто объединеніе съ «Бундомъ» и другими соц.-демократическими партійными организаціями національностей, населяющихъ Россію; была выработана аграрная программа, въ осно-

которой легло требованіе свободнаго развитія классовой борьбы въ деревнѣ; было рѣшено использовать Гос. Думу, какъ для расширенія революціоннаго движенія въ странѣ и внѣдренія въ умы мысли о необходимости созыва Учредительнаго Собранія, такъ и для революціонизированія самой Думы; было рѣшено подготовить и организовать народъ къ вооруженному возстанію, но противодѣйствовать всѣмъ попыткамъ, питающимся иллюзіями легкомысленнаго бунтарскаго революціонизма, въ томъ числѣ и всякаго рода экспропріаціямъ.

За 1907 и 1908 годы торжествующая реакція, въ въ значительной степени разгромивъ соц.-демократическія организаціи, вынудила ихъ руководителей снова направить свои стопы заграницу; и здѣсь, на досугѣ, междуфракціонная борьба вспыхнула съ новой силой. При этомъ, однако, меньшевики, не только остававшіеся, какъ и прежде, въ меньшинствѣ, но и потерявшіе, благодаря правительственнымъ репрессаліямъ, весь свой организаціонный аппаратъ въ странѣ, — тогда какъ большевики сохранили на сѣверѣ, въ центрѣ и на востокѣ Россіи и на Кавказѣ значительные опорные пункты, — во всѣхъ своихъ выступленіяхъ и попыткахъ терпѣли неизмѣнно неудачу. Они было попытались, захвативъ въ свои руки «Заграничное Центральное Бюро», являющееся органомъ заграничныхъ группъ, оказывать сопротивленіе большевистски настроенному Центральному Комитету партіи; но, въ концѣ концовъ, имъ пришлось пойти на уступки и склониться передъ большевистскою волею большинства делегатовъ съ мѣстъ, нашедшею себѣ яркое выраженіе въ резолюціяхъ «Общерусской соц.-демократической конференціи», имѣвшей мѣсто во второй половинѣ декабря 1908 г. въ Парижѣ, на которой было рѣшено, по предложенію большевиковъ, перейти снова къ дѣятельности на основахъ конспираціи и централизировать еще болѣе партійную власть.

1909 и 1910 годы ушли на мелкія тренія между соціалъ-демократическими фракціями, число коихъ умножилось народженіемъ нѣсколькихъ малочисленныхъ группъ (въ томъ числѣ самостоятельной группы Троцкаго въ Вѣнѣ), въ томъ или иномъ смыслѣ проявлявшихъ между большевиками и меньшевиками по вопросамъ тактики и организаціи. Въ самой

большевистской фракціи намѣтилась окончательная борьба между тѣм наз. „отзовистами" и «анти-отзовистами», изъ коихъ первые, во главѣ съ извѣстнымъ авторомъ книжекъ философскаго и политико-экономическаго содержанія, Богдановымъ, центръ партійной дѣятельности полагали въ нелегальной борьбѣ, въ то время какъ ихъ противники, руководимые Ленинымъ, переносили его въ Гос. Думу и настаивали на приспособленіи нелегальной дѣятельности къ этой задачѣ. Эта борьба вынесла на поверхность не мало личныхъ грязъ партійной жизни, — въ особенности въ виду соревнованія двухъ группъ на почвѣ завладѣнія солидными денежными суммами, — и самыхъ гадкихъ взаимообвиненій. Въ началѣ 1910 года Центральнымъ Комитетомъ партіи въ рядѣ пленарныхъ засѣданій была сдѣлана попытка примирить враждующія стороны; но тотчасъ же по окончаніи ихъ и несмотря на принятыя рѣшенія, меньшевики снова подняли знамя борьбы противъ большинства; со своей стороны, и «отзовисты» пошли тоже въ атаку; перепалка качалась съ новой силой, и въ ней прошелъ весь 1910 годъ.

Но въ то время, какъ меньшинство мелкихъ фракцій тратило всѣ свои силы на эту борьбу, большинству удалось, наоборотъ, значительно сплотить и умножить свои силы, привлекши окончательно на свою сторону группу Плеханова и пользуясь также тѣмъ, что въ его рукахъ фактически былъ Центральный Органъ партіи, а также крупныя партійныя суммы. Единственно, чего ему недоставало въ этотъ моментъ, это Центральнаго Комитета, который былъ совершенно разгромленъ правительствомъ, возобновленъ же не могъ быть въ виду того, что, по партійному уставу, для этого необходимъ былъ созывъ пленарнаго совѣщанія изъ оставшихся на свободѣ его членовъ, а для этого, въ свою очередь, необходимо было единогласное постановленіе «Заграничн. Бюро Ц. К.», въ которомъ, однако, большинство принадлежало меньшевикамъ, а сверхъ того еще находился представитель группы «отзовистовъ», ни за что не дававшій на это своего согласія. При такихъ обстоятельствахъ, весною 1911 года группа Ленина рѣшилась на «революціонный шагъ»; а именно, уничтожить путемъ выхода своихъ представителей, «Загр. Бюро Ц. К.» и поручить одному изъ своихъ, А. Рыкову, какъ единственному представителю русской части Ц. К., взять на себя инициативу по созыву Ц. К. Во исполне-

рѣшенія, секретарь и казначей «Заграничн. [illegible] К.», Семашко, тотчасъ же выѣхалъ въ отъ-
захвативъ съ собою имѣвшіеся на его попеченіи
деньги и документы, а Рыковъ разослалъ соотвѣтству-
щія приглашенія.

Несмотря на всѣ старанія Ленина самочинно пре-
ратить малочисленную группу собравшихся въ отвѣтъ
а приглашеніе Рыкова въ Ц. К. партіи и такимъ
образомъ захватить разомъ и всецѣло власть въ партіи
въ свои руки, ему удалось въ концѣ концовъ лишь
организовать для созыва партійной конференціи осо-
бую «Организаціонную Комиссію», въ составѣ которой,
съ самаго же начала, преобладали большевики, и
пополненіе которой представителями различныхъ дру-
гихъ группъ и фракцій было секретно обставлено та-
кимъ образомъ, чтобы преобладаніе это не могло быть
нарушено; «Заграничное Бюро Ц. К.» было замѣнено
«технической комиссіей», которая всецѣло попала въ
руки большевиковъ. Вставшій сейчасъ же передъ этой
комиссіей денежный вопросъ былъ благополучно раз-
рѣшенъ, благодаря интимной близости одного изъ ея
членовъ съ Розой Люксембургъ, въ свою очередь близ-
кой съ Кларой Цеткинъ, которая вмѣстѣ съ Каутскимъ
и Мерингомъ была хранительницей суммъ, принадле-
жавшихъ Р. С. Д. Р. П. При этомъ Ленинъ обнару-
жилъ было диктаторскія наклонности, пользуясь тѣмъ,
что для полученія этихъ денегъ необходима была и
его подпись; но долженъ былъ сконфузиться передъ
угрозой хранителей апеллировать въ Между-
народное Соціалистическое Бюро. Послѣ всѣхъ
этихъ удачныхъ и неудачныхъ ходовъ и мане-
въ главное вниманіе большевиковъ сосредоточилось
на томъ, какъ бы устроить такъ, чтобы большинство
делегатовъ съ мѣстъ на упомянутой конференціи было
большевистскаго толка. Для достиженія этого Лени-
нымъ былъ данъ такой лозунгъ: «Если бы въ извѣстной
организаціи 100 человѣкъ оказались меньшевиками или
ликвидаторами и налицо въ ней имѣлось лишь 5—6
большевиковъ, то делегатовъ на конференцію должно
послать именно отъ этой пятерки, а не отъ осталь-
ныхъ 100 лицъ.» Между прочимъ, въ качествѣ одной
изъ содѣйствующихъ этому мѣръ проектировалось
[illegible] россійскими мандатами учениковъ функціо-
нировавшей въ это время подъ Парижемъ соц.-демокра-

тической и опытнической школы, находившейся тогда въ рукахъ большевистскихъ элементовъ».

Произведенный большевиками «революціонный актъ» вызвалъ глубокое возмущеніе среди заграничныхъ меньшевиковъ, которые рѣшили съ своей стороны созвать общепартійную конференцію и учредили для этого, въ противовѣсъ большевикамъ, свой «Организаціонный Комитетъ». Но большевики не дремали и употребляли всѣ усилія, чтобы захватить и въ Россіи и заграницей возможно больше организацій и учрежденій въ свои руки. Съ этой цѣлью Ленинъ усиленно разсылать своихъ посланцевъ по Россіи съ наказомъ о подготовленіи большевистской почвы для общепартійной конференціи и объ учрежденіи повсюду большевистскихъ центровъ и ячеекъ. Въ ноябрѣ 1911 года большевиками, въ лицѣ Зиновьева и Камскаго, была «оккупирована» типографія и экспедиція центральнаго органа и «экспропріированъ» онъ самъ. Въ концѣ декабря въ Парижѣ состоялась конференція заграничныхъ большевистскихъ группъ для сплоченія большевистской фракціонной организаціи. Наконецъ, въ началѣ января 1912 г. состоялась въ Прагѣ другая большевистская конференція съ представителями изъ Россіи, на которой среди делегатовъ присутствовали также сотрудники охраны, Малиновскій и Романовъ, и которая, слѣдуя заранѣе намѣченному большевистскими лидерами плану дѣйствій и подъ тѣмъ предлогомъ, что настоящее собраніе якобы объединяетъ въ себѣ уполномоченныхъ отъ «весьма значительнаго числа имперскихъ партійныхъ учрежденій», объявило себя единогласно не болѣе и не менѣе, какъ «общепартійной конференціей Р. С.-Д. Р. П. и верховнымъ органомъ партіи въ данный моментъ». На этой конференціи былъ избранъ новый Ц. К. партіи и сформированы другія главныя партійныя учрежденія, разумѣется, исключительно изъ приверженцевъ Ленина, и было рѣшено истребовать у вышеупоминавшихся хранителей партійныхъ денегъ обратно довѣренныя имъ суммы и передать ихъ въ вѣдѣніе новаго Ц. К.

Разумѣется, на выборахъ въ 4-ую Гос. Думу большевики вели самую рѣшительную кампанію противъ меньшевистскихъ теченій, стремясь составить тамъ компактную фракцію (какъ то было подробно предусмотрено самимъ Ленинымъ въ его докладѣ на эту тему, прочитанномъ въ Парижѣ въ началѣ -мая). Самый

чнымъ образомъ старались они также помѣшать
ньшевистскимъ стараніямъ созвать, въ противовѣсъ
вышеупомянутому совѣщанію, настоящую между-
фракціонную конференцію; и съ полнымъ успѣхомъ,
какъ то показываетъ, напр., неудача созванной въ
августѣ 1912 г. въ Вѣнѣ Троцкимъ конференціи от-
дѣльныхъ организацій Р. С.-Д. Р. П., сорванной въ
значительной мѣрѣ дѣйствіями и маневрами большеви-
стскаго представителя. Въ концѣ января 1913 года
въ Краковѣ происходили засѣданія большевистскаго
Ц. К., на которыхъ, послѣ всесторонняго обсужденія
политическаго момента, была подтверждена необходи-
мость вести рѣшительную борьбу съ наиболѣе выра-
женнымъ меньшевизмомъ, въ то же время вступая на
мѣстахъ въ сотрудничество съ меньшевистскими эле-
ментами, согласными на нелегальную борьбу; было при-
знано также, что «партія должна оказывать всесторон-
нюю поддержку революціоннымъ массовымъ стачкамъ
и всякаго рода революціоннымъ выступленіямъ, рас-
ширяя въ особенности агитацію за демократическую
республику» и т. п.

27 іюля 1913 года въ Австріи, около Закопане,
на дачѣ Ленина состоялось частное секретное совѣ-
щаніе представителей Ц. К. (въ составѣ Ленина, Зи-
новьева, Каменева, Ульяновой-Крупской и сотрудника
охраны Малиновскаго), на которомъ, между прочимъ,
было рѣшено, въ виду замѣтнаго роста рабочаго дви-
женія и революціонной волны, стараться обострять всѣ
ихъ проявленія, а равно и намѣчены новые кандида-
ты въ обезглавившій тѣмъ временемъ Ц. К. Въ
концѣ сентября состоялось новое совѣщаніе руко-
водящихъ большевистскихъ элементовъ въ Галиціи, ко-
торое намѣтило созывъ партійнаго (большевистскаго)
съѣзда на лѣто 1914 г.; признало національностями
принципіальное право на полное отдѣленіе отъ Россіи
(предоставляя партіи рѣшать въ каждомъ данномъ
случаѣ, насколько это можетъ быть цѣлесообразно съ
точки зрѣнія интересовъ классовой борьбы всего про-
летаріата); рѣшило, что большевистская «6-ка» въ Гос.
Думѣ предъявитъ рядъ ультимативныхъ требованій
внутренне-организаціоннаго характера меньшевистской
«6-кѣ» и, въ случаѣ невыполненія ихъ, произведетъ
разрывъ въ думской соц.-дем. фракціи; постановило,
что при настоящемъ революціонномъ подъемѣ задачей
единыхъ соц.-демократовъ является широкая револю-

ционная агитація въ массахъ за демократическую республику, 8-часовой рабочій день и конфискацію помѣщичьихъ земель»; высказалось за борьбу съ «мелкобуржуазнымъ соціализмомъ народничества», и т. д., и т. д. Сверхъ того, было рѣшено постараться провести всякими способами возможно большее число делегатовъ на имѣющій быть въ Вѣнѣ осенью 1914 г. международный соціалистическій конгрессъ, дабы делегація, благодаря своей многочисленности, производила впечатлѣніе регулярнаго партійнаго представительства, и это позволило бы благопріятно рѣшить денежный вопросъ съ хранителями партійныхъ суммъ.

Въ октябрѣ 1913 года расколъ думской соціалъ-демократической фракціи благополучно совершился, благодаря стараніямъ, главнымъ образомъ, упомянутаго Малиновскаго; фактъ этотъ сдѣлался въ декабрѣ предметомъ обсужденія Международнаго Соціалистическаго Бюро, которое рѣшило созвать конференцію изъ представителей различныхъ теченій Р. С.-Д. Р. П. для выясненія причинъ разногласій и отысканія способовъ объединенія враждующихъ сторонъ. Эта конференція состоялась 18-го Іюня 1914 г. въ Брюсселѣ, но ни къ какому результату не привела, въ виду того, что большевистскіе делегаты предъявили ультиматумъ, требовавшій: 1) признанія Р. С.-Д. Р. П. въ большевистской формаціи и 2) упраздненія меньшевистскаго центра. Во время преній начавшій все болѣе и болѣе отстраняться отъ большевиковъ Плехановъ, между прочимъ, указалъ, что вся непримиримость политики Ленина заключается въ томъ, что онъ не хочетъ выпустить изъ своихъ рукъ партійныхъ денегъ, часть которыхъ-де имъ была захвачена «чисто воровскимъ образомъ».

Мировой конфликтъ засталъ Ленина съ Зиновьевымъ въ Австріи; имъ удалось въ самый короткій срокъ получить возможность выѣхать въ Швейцарію (посредствомъ, благодаря хлопотамъ всѣмъ извѣстнаго авантюриста на соц.-дем. подкладкѣ, Парвуса-Гельфанда, передъ австрійскимъ правительствомъ). Здѣсь уже осенью 1914 года Ленинымъ было формулировано отношеніе Р. С.-Д. Р. П. къ войнѣ (въ рядѣ тезисовъ, опубликованныхъ въ № 33 «Соц.-демократа» и легшихъ въ основаніе резолюціи 2-ой конференціи заграничныхъ секцій Р. С.-Д. Р. П., созванной въ Бернѣ по

личной иниціативѣ Ленина 20—22 Марта 1915 г. Въ этой резолюціи уже съ ясностью намѣчается та тактика большевизма, которую онъ смогъ развить всесторонне лишь въ 1917 году и которая привела его затѣмъ къ установленію Республики Совѣтовъ и диктатурѣ коммунистической партіи. Въ этомъ документѣ, прежде всего, признавалось, что капитализмъ достигъ высшей стадіи развитія и что созрѣли вполнѣ объективныя условія осуществленія соціализма; фразы о защитѣ отечества, объ оборонительной войнѣ и т. п., съ какой бы стороны онѣ ни исходили, объявлялись сплошнымъ обманомъ народа; провозглашался лозунгъ превращенія имперіалистической войны въ гражданскую, которая характеризовалась, какъ «борьба пролетаріата съ оружіемъ въ рукахъ противъ буржуазіи за экспропріацію класса капиталистовъ въ передовыхъ капиталистическихъ странахъ, за демократическую революцію въ Россіи (демократическую республику, 8-ми часовой рабочій день, конфискацію помѣщичьихъ земель), за республику въ отсталыхъ монархическихъ странахъ»; среди конкретныхъ тактическихъ дѣйствій соц.-демократіи рекомендовалось: «направлять парламентаризмъ и экономическую борьбу противъ оппортунизма въ духѣ революціонной борьбы массъ»; проводить безусловный отказъ отъ вотированія военныхъ кредитовъ, полный разрывъ съ политикой «національнаго міра»; поощрять братанія солдатъ воюющихъ націй въ траншеяхъ и на театрѣ войны вообще, а равно и всякаго рода революціонныя массовыя выступленія пролетаріата; II-ой Интернаціоналъ объявлялся мертвымъ, въ силу разъѣвшаго его оппортунизма (въ частности, въ оппортунизмъ обвинялся и Каутскій); отвергался рѣшительно, такъ называемый, пацифизмъ или абстрактная проповѣдь мира, какъ одна изъ формъ «одураченія» рабочаго класса; опредѣленно утверждалось, что «пораженіе Россіи при всѣхъ условіяхъ представляется наименьшимъ зломъ»; и послѣ рѣзкаго выпада противъ русскихъ «соціалъ-патріотовъ» и меньшевиковъ, занимающихъ недостаточно рѣшительную позицію, въ заключеніе говорилось: „Задачей С.-Р. Рабочей Партіи въ Россіи является дальнѣйшее укрѣпленіе пролетарскаго единства, созданнаго въ 1912—14 гг. всего болѣе «Правдой», возстановленіе партійныхъ с.-д. организацій рабочаго класса на базѣ рѣшительнаго организаціон-

размежеваться съ соціалъ-шовинистами. Временныя соглашенія допустимы съ тѣми с.-д. которые за рѣшительный организаціонный разрывъ съ «Нашей Зарей» и «Внѣдомъ».

Эта же программа дѣйствія выдвигалась затѣмъ большевиками на международныхъ соціалистическихъ конференціяхъ въ Циммервальдѣ осенью 1915 и въ Кинталѣ въ апрѣлѣ 1916 г., но большого успѣха не имѣла, въ виду крайности предлагавшихся ею мѣръ. Единственно, чего удалось добиться конкретно лѣвымъ экстремистамъ, это условнаго принятія предложенія о всеобщей забастовкѣ. Равнымъ образомъ, не удалась Ленину и попытка «элиминировать» съ Кинтальской Конференціи представителей меньшевистскаго «Организаціоннаго Комитета» подъ тѣмъ предлогомъ, будто всѣ меньшевики — соціалъ-патріоты. Приблизительно въ то же время Ленинымъ была подвергнута пересмотру аграрная программа Р. С.-Д. Р. П. Признавая, что столыпинская реформа была построена на разумныхъ основахъ, онъ тѣмъ не менѣе былъ вынужденъ сознаться, что дѣло сдѣлано этимъ лишь наполовину, ибо правительственной реформой были затронуты пока лишь общинныя владѣнія, помѣщичьи же, казенныя, кабинетскія, монастырскія и церковныя земли оставались по старому неприкосновенными; по мнѣнію Ленина, въ программу партіи необходимо было включить націонализацію этихъ земель. Подъ вліяніемъ энергичной пропаганды Ленина и его сотрудниками своихъ идей, главнымъ образомъ, въ кругахъ заграничной эмиграціи (впрочемъ, пропаганда эта распространялась ими и на русскихъ плѣнныхъ въ Германіи, съ благосклоннаго содѣйствія имперскаго германскаго правительства), намѣтилось было идейное сближеніе между большевиками и частью меньшевиковъ, склонныхъ къ крайнему интернаціонализму; но въ то же самое время возобновились и пререканія изъ-за денегъ, принадлежащихъ партіи, причемъ Ленинъ рѣшительно не хотѣлъ идти ни на какія уступки и компромиссы, настаивая на томъ, что законнымъ собственникомъ партійныхъ суммъ является Ц. К.

Происшедшая въ Россіи революція открыла необъятный просторъ и создала благопріятную почву для большевистской пропаганды, которая стихла въ со-

бою интенсивностью стала слѣдовать директивамъ, даннымъ въ вышеупоминавшихся «тезизахъ о войнѣ». Новымъ и особенно важнымъ элементомъ этой пропаганды стала возникшая съ революціей политическая самоорганизація трудящихся массъ въ совѣты рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ. Главнымъ объектомъ борьбы было по прежнему, конечно, правительство (сначала «либерально-буржуазное» правительство Львова-Милюкова, а затѣмъ «соціально-патріотическое» правительство Керенскаго). Главнымъ лозунгомъ оставались: немедленный миръ во что бы то ни стало и немедленный созывъ Учредительнаго Собранія. Къ этому присоединились новые лозунги: «вся власть Совѣтамъ», «немедленный переходъ земли въ руки трудящихся», «немедленное осуществленіе соціальной революціи»; и въ связи съ этимъ выросла вполнѣ логически надобность переименоваться изъ партіи «соціалъ-демократической» въ «коммунистическую», не нашедшую себѣ было въ началѣ серьезнаго отзвука въ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ массахъ и отвергнутую громаднымъ большинствомъ совѣтскихъ организацій, которыя слѣдовали за соціалистами-революціонерами и меньшевиками, считавшими произошедшую революцію буржуазной и съ самаго же начала поддерживавшими Временное Правительство, «поскольку» оно своими дѣйствіями и мѣропріятіями осуществляло завоеванія такой революціи, а равно стремилось приблизить всеобщій «миръ безъ аннексій и контрибуцій»; большевистская пропаганда, однако, пустила глубокіе корни уже въ теченіе мая и іюня 1917 года. Этому содѣйствовало естественное недовольство народныхъ массъ столь же естественной медленностью осуществленія тремя послѣдовательными Временными Правительствами преднамѣченной программы, въ особенности затяжка съ вопросами о мирѣ, о землѣ и о созывѣ Учредительнаго Собранія; а также и самая интенсивность и широта большевистской агитаціи, объяснявшаяся въ немалой степени, несомнѣнно, притекавшей къ большевикамъ черезъ Стокгольмъ изъ Германіи солидной денежной поддержкой (послѣдовавшей за первой помощью Германіи Ленину и его единомышленникамъ, выразившейся въ разрѣшеніи имъ проѣзда черезъ германскую территорію).

Укрѣпившись и денежно и организаціонно и видя, что «Совѣты» (не говоря уже о правительствѣ) отнюдь

умѣренны слѣдовать ихъ указаніямъ и настояніямъ, задумали и стали готовить переворотъ съ тою захватить власть въ свои руки. Для этого они лись сначала привлеченіемъ къ своему знамени ихъ недовольныхъ, неспокойныхъ и анархическихъ ментовъ страны, используя параллельно всякій по-ъ для устройства всяческихъ безпорядковъ, демон-ацій, протестовъ, возмущеній и т. п. Май и іюнь яцы были полны солдатскихъ, рабочихъ и крестьян-ихъ безпорядковъ и вспышекъ, въ которыхъ почти да видна, была руководящая или споспѣшествую-рука большевистскихъ элементовъ. Кромѣ де-ни, съ одной стороны, и фронта съ тыломъ (гдѣ а сосредоточена легкомысленно и безцѣльно совер-но бездѣятельная многочисленная солдатская са), съ другой, они сосредоточили свои усилія, глав-имъ образомъ, на Петроградѣ и его окрестностяхъ, обенно на Кронштадтѣ, который и сталъ вскорѣ все-ійскимъ оплотомъ большевизма, главнымъ источ-комъ заразы неповиновенія правительству и вообще государственнаго безпорядка. Въ началѣ іюля больше-ками была сдѣлана первая попытка — опытъ во-оруженнаго возстанія противъ Временнаго Правитель-ства подъ вышеупомянутыми лозунгами. Правда, она окончилась неудачей и непосредственнымъ результа-томъ своимъ имѣла лишь нѣсколько сотъ безцѣльныхъ жертвъ, но, при всемъ томъ, она показала безсиліе и внутреннюю несогласованность и несостоятельность Временнаго Правительства (которое въ теченіе нѣскол-кихъ часовъ было буквально на краю гибели); а затѣмъ одвинула значительно вправо буржуазно-либеральные круги, да и самого Керенскаго, что не могло не вызвать, по контрасту, полѣвѣнія народныхъ массъ. Дѣйстви-тельно, это возстаніе вмѣстѣ съ Тарнопольскимъ раз-громомъ и унизительнымъ бѣгствомъ русскихъ войскъ на юго-западномъ фронтѣ (тоже въ немалой мѣрѣ под-готовленнымъ большевистской пропагандой) вызвало тотчасъ же концентрацію силъ умѣренныхъ круговъ, а затѣмъ и безразсудную попытку генерала Корнилова (въ концѣ августа) справа захватить власть въ свои руки. Корниловское возстаніе было водою на мельницу; большевики использовали его во-всю для того, чтобы при-влечь возможно большую часть изнождавшагося трудового люду на свою сторону. Успѣшность ихъ пропаганды сказалась въ тотъ, что вскорѣ же (въ сентябрѣ) Петро-

градскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ оказался въ ихъ рукахъ. Сѣверо-западный фронтъ тоже все больше и больше подпадалъ подъ ихъ вліяніе; правительственныя затрудненія росли не по днямъ, а по часамъ изъ-за всевозможныхъ внутреннихъ междупартійныхъ и между-фракціонныхъ треній; Учредительное Собраніе все отсрочивалось и отсрочивалось; войнѣ не было видно ни конца, ни краю, ибо «союзники» Россіи рѣшительно отказались признать немедленный и безпобѣдный миръ «безъ аннексій и контрибуцій»; земельный вопросъ оставался по прежнему висѣть въ воздухѣ; войско разлагалось и терпѣло неудачи за неудачами. И, наконецъ, и въ провинціальные совѣты вмѣстѣ съ духомъ недовольства и безпокойства за судьбы революціи постепенно все больше и больше проникали большевистскіе элементы.

10-го октября состоялось секретное собраніе Ц. К. большевистской партіи въ присутствіи Ленина (который до тѣхъ поръ скрывался въ Финляндіи), постановившее почти единогласно, что для спасенія революціи и страны необходимо возстаніе и переходъ власти въ руки Совѣтовъ. 11-го октября, по большевистской иниціативѣ, собрался Сѣверный Областной Съѣздъ Совѣтовъ, двѣ трети делегатовъ котораго принадлежали къ большевистскому теченію и резолюціи котораго рѣшительно требовали перехода всей власти къ Совѣтамъ. 12-го октября, въ виду намѣренія правительства удалить изъ Петрограда, ради предотвращенія новыхъ возможныхъ анти-правительственныхъ выступленій, двѣ трети гарнизона, насквозь пропитавшагося къ этому времени большевистскимъ духомъ, Петроградскій Совѣтъ, по большевистской иниціативѣ, постановилъ образовать Военно-Революціонный Комитетъ, который явился какъ бы генеральнымъ штабомъ всего анти-правительственнаго движенія и вмѣстѣ съ Петроградскимъ Совѣтомъ долженъ былъ рѣшительно воспротивиться и воспрепятствовать эвакуаціи войскъ изъ столицы. Среди послѣдовавшихъ распоряженій этого Комитета былъ, напр., приказъ Сестрорѣцкому оружейному заводу выдать на Красную Гвардію 5 тысячъ ружей. 19-го октября большевистскаго характера резолюція была принята также и Московскимъ Совѣтомъ. 22-го октября Военно-Рев. Комитетъ назначилъ особыхъ комиссаровъ ко всѣмъ частямъ гарнизона, съ приказомъ повиноваться только

ихъ распространеніемъ и объявленіемъ ихъ личности не-
прикосновенной. Въ тотъ же день былъ организованъ
большевиками «День Петроградскаго Совѣта» для сбора
средствъ на проектировавшуюся совѣтскую газету
большевистскаго толка и для производства «смотра
силъ». И, наконецъ, 24-го октября, наканунѣ открытія
2-го Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ и въ отвѣтъ на
выраженное Керенскимъ въ Предпарламентѣ намѣре-
ніе покончить рѣшительно съ большевистской аги-
таціей, было поднято возстаніе, которое въ два дня
ликвидировало режимъ Временнаго Правительства и
установило 26-го октября рѣшеніемъ большинства чле-
новъ 2-го Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ (правые соц.-
революціонеры и меньшевики, составлявшіе меньшин-
ство съѣзда, покинули его въ знакъ протеста противъ
большевистскаго насилія) большевистское правитель-
ство Совѣта Народныхъ Комиссаровъ съ Ленинымъ во
главѣ и Троцкимъ въ роли комиссара по иностран-
нымъ дѣламъ. Того же 26-го октября Конгрессомъ
Совѣтовъ были одобрены два представленныхъ Ле-
нинымъ декрета: о заключеніи мира и о раздѣлѣ земель.

Затѣмъ одно за другимъ были приняты фундамен-
тальныя мѣропріятія, направленныя на разрушеніе
капиталистическаго строя. проведеніе соціальной рево-
люціи и установленіе соціалистическаго строя. Въ
началѣ января было распущено насильственно едва
только успѣвшее собраться враждебное большевикамъ
Учредительное Собраніе; во второй половинѣ февраля
былъ заключенъ Брестъ-Литовскій миръ. Такъ уста-
новилась длящаяся и понынѣ диктатура большевист-
ской партіи, принявшей вслѣдъ за октябрьской рево-
люціей наименованіе коммунистической.

Однако, въ ближайшіе послѣ переворота дни, въ
виду намѣтившейся рѣшительной оппозиціи всѣхъ
крупныхъ общественныхъ организацій столицы (напр.
Гос. Думы, Совѣта крестьянскихъ депутатовъ, союза
желѣзнодорожниковъ и т. п.), которая выразилась тот-
часъ же въ образованіи особаго «Комитета обществен-
наго спасенія», а равно и въ виду приближенія къ
Петрограду Керенскаго во главѣ, казалось, вѣрныхъ
Временному Правительству войскъ, большевиками былъ
поднятъ вопросъ объ образованіи коалиціоннаго соціа-
листическаго правительства и открыты переговоры съ
представителями другихъ соціалистическихъ партій.

Въ то же время большевистскіе вожаки, желая избѣжать такого финала, дѣлали все для того, чтобы оттянуть время и не дать переговорамъ увѣнчаться успѣхомъ; и какъ только попытка Керенскаго оказалась ликвидированной, они тотчасъ же формулировали столь непримиримыя партійныя условія коалиціоннаго соглашенія, что это не только похоронило всякую его возможность, но даже вызвало временный выходъ въ отставку 11 комиссаровъ — членовъ ихъ собственной партіи. Впрочемъ, диссиденты, убѣдившись въ полной побѣдѣ новаго правительства и подъ давленіемъ порицаній и увѣщаній Ленина, вернулись вскорѣ въ лоно правительства; а затѣмъ и партія лѣвыхъ с.-р. (отколовшаяся уже послѣ подавленія іюльскаго возстанія отъ партіи с.-р.) перестала окончательно колебаться,ославъ въ Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ 7 своихъ представителей. Съ болѣе выраженными оппозиціонными центрами было также быстро покончено: съ оппозиціей Совѣта крестьянскихъ депутатовъ и союза желѣзнодорожниковъ путемъ ловкихъ политическихъ маневровъ, создавшихъ въ нихъ постепенно большинство, благопріятное Ленину; съ оппозиціей же «Комитета Общественнаго Спасенія» и Гос. Думы — путемъ арестовъ руководителей и декрета о роспускѣ этой послѣдней. Оппозиція служащихъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ была сломлена угрозой отставки и лишенія пенсіи. Наконецъ, враждебной прессѣ былъ заткнутъ въ значительной мѣрѣ ротъ, не нарушая еще тѣмъ по видимости свободы слова, декретомъ о монополизаціи объявленій.

Вслѣдъ за упомянутымъ выше декретомъ о заключеніи мира и раздѣлѣ земли, одно за другимъ послѣдовали затѣмъ дальнѣйшія фундаментальныя мѣропріятія, направленныя къ разрушенію основъ капиталистическаго строя и отмѣнѣ его характерныхъ особенностей, къ проведенію соціальной революціи во всемъ ея объемѣ и глубинѣ и къ установленію соціалистическаго строя предварительно на базѣ диктатуры пролетаріата. Такъ 29-го октября былъ изданъ декретъ о введеніи 8-ми часового рабочаго дня; 1-го ноября былъ обнародованъ первый декретъ о рабочемъ контролѣ надъ промышленными предпріятіями, а 3-го ноября декретъ относительно правъ народовъ Россіи располагать собственными судьбами; 10-го ноября началось опубликованіе секретныхъ дипломатическихъ докумен-

ѣтъ, 5-го декабря былъ изданъ декретъ о формированіи Верховно-Экономическаго Совѣта; 10-го декабря стали функціонировать революціонные суды; 14-го декабря послѣдовалъ декретъ о націонализаціи банковъ и конфискаціи вкладовъ; 17-го декабря — декретъ объ установленіи гражданскаго брака; 1-го января 1918 года — декретъ объ аннулированіи государственныхъ долговъ; 8-го января декретъ о роспускѣ Учредительнаго Собранія; 18-го января декретъ объ организованіи красной арміи; 28-го января декретъ о націонализаціи торговаго флота; 3-го февраля декретъ о введеніи грегоріанскаго календаря; 3-го марта былъ ратифицированъ III-мъ Съѣздомъ Совѣтовъ миръ съ центральными державами; 15-го іюня былъ опубликованъ декретъ о государственномъ контролѣ надъ всѣми крупными фабричными заведеніями и надъ производительными силами страны; 19-го іюня — постановленіе Московскаго Совѣта о недопустимости стачекъ; 27-го іюня — декретъ о принудительномъ трудѣ и одобрена Съѣздомъ Совѣтовъ Конституція Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики, и т. д., и т. д.

Программа и дѣйствительная практика большевизма у власти.

Когда большевики готовились къ захвату власти съ тѣмъ, чтобы углубить мартовскую революцію и изъ буржуазной превратить ее въ соціальную, они разсматривали (или, по меньшей мѣрѣ, дѣлали видъ, что разсматриваютъ) это свое намѣреніе, какъ естественный, необходимый дальнѣйшій шагъ въ развитіи революціоннаго движенія. Слѣдуя, такъ сказать, велѣнію этого послѣдняго, они видѣли себя вынужденными перейти отъ осуществленной уже помимо нихъ программы „минимумъ» ихъ партіи къ осуществленію всегда предвидѣвшейся и утверждавшейся, но отсылавшейся только въ своемъ осуществленіи вдаль Р. С.-Д. Р. Партіей программы «максимумъ». Другими словами, дѣло шло о томъ, чтобы на базѣ завоеванныхъ свободъ и

проведенныхъ уже революціонно-государственныхъ мѣропріятій провести безотлагательно рядъ другихъ, болѣе существенныхъ и фундаментальныхъ реформъ, по-прежнему въ духѣ утвержденія и осуществленія истиннаго народовластія. Только для этого, — такъ заявляли большевики, — было низвергнуто колеблющееся компромиссное и полу-буржуазное правительство «соціалъ-патріотовъ», препятствовавшее этому, по мнѣнію большевиковъ; и только для этого же было учреждено радикальное и революціонное соціалистическое правительство Народныхъ Комиссаровъ, долженствовавшее выражать чисто-народную волю (безъ примѣси буржуазности) и знаменовать собой диктатуру труда надъ капиталомъ, диктатуру пролетаріата.

До-революціонная программа Р. С.-Д. Р. П. содержала въ себѣ слѣдующіе характерные пассусы: «... Совершенствованіе техники, концентрируя средства производства и обращенія и обобществляя процессъ труда въ капиталистическихъ учрежденіяхъ, быстрѣе и быстрѣе создаетъ матеріальную возможность замѣны капиталистическихъ производительныхъ отношеній соціалистическими, — т. е. той соціальной революціи, которая представляетъ собою конечную цѣль всей дѣятельности международной соціалъ-демократіи, какъ сознательной выразительницы классового движенія. Замѣнивъ частную собственность на средства производства и обращенія общественною и введя планомѣрную организацію общественно-производительнаго процесса для обезпеченія благосостоянія и всесторонняго развитія всѣхъ членовъ общества, соціальная революція пролетаріата, уничтоживъ дѣленіе общества на классы, тѣмъ освободитъ все угнетенное человѣчество, такъ какъ положитъ конецъ всѣмъ видамъ эксплуатаціи одной части общества другою. Необходимое условіе этой соціальной революціи составляетъ диктатура пролетаріата, т. е. завоеваніе пролетаріатомъ такой политической власти, которая позволитъ ему подавить всякое сопротивленіе эксплуататоровъ. Ставя себѣ задачу сдѣлать пролетаріатъ способнымъ выполнить свою великую историческую миссію, международная соціалъ-демократія организуетъ его въ самостоятельную политическую партію, противостоящую всѣмъ буржуазнымъ партіямъ, руководитъ всѣми проявленіями его классовой борьбы, разоблачаетъ передъ нимъ непримиримую противоположность интересовъ эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ, разъясняетъ ему историческія условія, которыя

рсамъ эксплуатируемыхъ и выяснятъ ему историческое значеніе и необходимыя условія предстоящей революціи... На пути къ ихъ общей конечной цѣли, обусловленной господствомъ капиталистическаго способа производства во всемъ цивилизованномъ мірѣ, соціалъ-демократы разныхъ странъ вынуждены ставить себѣ неодинаковыя ближайшія задачи, какъ потому, что этотъ способъ не вездѣ развитъ въ одинаковой степени, такъ и потому, что его развитіе въ разныхъ странахъ совершается въ различной соціально-политической обстановкѣ. Въ Россіи, гдѣ капитализмъ уже сталъ господствующимъ способомъ производства, сохранились еще очень многочисленные остатки нашего стараго до-капиталистическаго порядка, который основывался на закрѣпощеніи трудящихся массъ помѣщикамъ, государству или главѣ государства. Въ сильнѣйшей степени препятствуя экономическому прогрессу, эти остатки не допускаютъ всесторонняго развитія классовой борьбы пролетаріата, содѣйствуютъ сохраненію и усиленію самыхъ варварскихъ формъ эксплуатаціи многомилліоннаго крестьянства государствомъ и имущими классами и держатъ въ темнотѣ и безправіи весь народъ. Самымъ значительнымъ изъ всѣхъ этихъ пережитковъ и самымъ могучимъ оплотомъ всего этого варварства является царское самодержавіе. По самой природѣ своей оно враждебно всякому общественному движенію и не можетъ не быть злѣйшимъ противникомъ всѣхъ освободительныхъ стремленій пролетаріата. Поэтому, Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія ставитъ своей ближайшей задачей ниспроверженіе царскаго самодержавія и замѣну его демократической республикой, конституція которой обезпечила бы: 1. Самодержавіе народа, т. е. сосредоточеніе всей верховной государственной власти въ рукахъ законодательнаго собранія, составленнаго изъ представителей народа и образующаго одну палату; 2. Всеобщее, равное и прямое избирательное право при выборахъ какъ въ законодательное собраніе, такъ и во всѣ мѣстные органы самоуправленія для всѣхъ гражданъ и гражданокъ, достигшихъ двадцати лѣтъ; тайное голосованіе при выборахъ; право каждаго избирателя быть избраннымъ во всѣ представительныя учрежденія; двухгодичные парламенты; жалованіе народнымъ представителямъ; 3. Широкое мѣстное самоуправленіе; областное самоуправленіе для тѣхъ мѣст-

ностей, которыя отличаются особыми бытовыми усло-
віями и составомъ населенія; 4. Неприкосновенность
личности и жилища; 5. Неограниченную свободу со-
вѣсти, слова, печати, собраній, стачекъ и союзовъ; 6.
Свободу передвиженія и промысловъ; 7. Уничтоженіе
сословій и полную равноправность всѣхъ гражданъ
независимо отъ пола, религіи, расы и національности;
8. Право населенія получать образованіе на родномъ
языкѣ, обезпечиваемое созданіемъ на счетъ государства
и органовъ самоуправленія необходимыхъ для того
школъ; право каждаго гражданина объясняться на
родномъ языкѣ на собраніяхъ; введеніе роднаго языка
наравнѣ съ государственнымъ во всѣхъ обществен-
ныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ; 9. Право на
самоопредѣленіе за всѣми націями, входящими въ со-
ставъ государства; 10. Право каждаго лица преслѣдо-
вать въ обычномъ порядкѣ передъ судомъ присяжныхъ
всякаго чиновника; 11. Выборность судей народомъ;
12. Замѣну постояннаго войска всеобщимъ вооруже-
ніемъ народа; 13. Отдѣленіе церкви отъ государства и
школы отъ церкви; 14. Даровое и обязательное общее
и профессіональное образованіе для всѣхъ дѣтей обоего
пола до 16 лѣтъ; снабженіе всѣхъ бѣдныхъ дѣтей
пищей, одеждой и учебными пособіями за счетъ госу-
дарства... Въ цѣляхъ устраненія остатковъ крѣпост-
ного порядка, которые тяжелымъ гнетомъ лежатъ непо-
средственно на крестьянахъ, и въ интересахъ свобод-
наго развитія классовой борьбы въ деревнѣ, Россійская
Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія требуетъ: 1.
Отмѣны всѣхъ сословныхъ стѣсненій личности и соб-
ственности крестьянъ. 2. Отмѣны всѣхъ платежей и
повинностей, связанныхъ съ сословной обособленностью
крестьянъ, и уничтоженія долговыхъ обязательствъ,
имѣющихъ кабальный характеръ. 3. Конфискаціи
церковныхъ, монастырскихъ, удѣльныхъ и кабинет-
скихъ земель и передачи ихъ (а равно и казенныхъ
земель) крупнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія,
объединяющимъ городскіе и сельскіе округа, при чемъ
земли, необходимыя для переселенческаго фонда, а
также лѣса и воды, имѣющіе общегосударственное зна-
ченіе, передаются во владѣніе демократическаго госу-
дарства. 4. Конфискаціи частновладѣльческихъ земель,
кромѣ мелкаго землевладѣнія, и передачи ихъ въ рас-
поряженіе выборныхъ на демократическихъ началахъ
крупныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, причемъ

минимальный размѣръ подлежащихъ конфискаціи земельныхъ участковъ опредѣляется крупными органами мѣстнаго самоуправленія... Россійская Соціалъ-Демократическая Партія твердо убѣждена въ томъ, что полное, послѣдовательное и прочное осуществленіе указанныхъ политическихъ и соціальныхъ преобразованій достижимо лишь путемъ низверженія самодержавія и созыва Учредительнаго Собранія, свободно избраннаго всѣмъ народомъ.»

Вспыхнувшая европейская война отразилась на этой программѣ неофиціальнымъ добавленіемъ къ ней трехъ пунктовъ, о которыхъ уже была рѣчь выше и которые сводились къ слѣдующимъ положеніямъ: 1. немедленное прекращеніе войны во что бы то ни стало, 2. гражданская война, какъ радикальное средство для достиженія этой цѣли; 3. пораженіе Россіи, какъ средство расшатать царскую власть и предохранить остальную Европу отъ неминуемой реакціи, если бы она восторжествовала.

Когда происшедшая февральско-мартовская революція въ значительной мѣрѣ осуществила вышеупомянутую программу «минимумъ» большевиковъ, дальнѣйшая программа ихъ дѣйствій, сложившаяся непроизвольно и торопливо въ головокружительномъ ходѣ событій и носившая всѣ черты переходнаго и кратковременнаго образованія, нашла себѣ выраженіе въ слѣдующихъ немногихъ демагогическихъ лозунгахъ, направленныхъ противъ дѣйствій или бездѣйствія Временнаго Правительства: 1. Долой войну; 2. Земля народу; 3. 8-ми часовой рабочій день; 4. Долой смертную казнь; 5. Немедленный созывъ Учредительнаго Собранія и 6. Вся власть Совѣтамъ. Къ этому присоединились еще протесты противъ притѣсненій Финляндіи и Украины, выражавшихся въ отказѣ Временнаго Правительства до Учредительнаго Собранія рѣшить вопросъ объ ихъ будущемъ политическомъ устройствѣ, и противъ преслѣдованія крайнихъ революціонныхъ элементовъ, разлагавшихъ войско и ведшихъ въ народѣ ожесточенную анти-правительственную пропаганду, — протесты, сопровождавшіеся обвиненіемъ Временнаго Правительства въ нарушеніи имъ же самимъ провозглашенныхъ принциповъ свободы національнаго самоопредѣленія, печати, собраній, личности и т. п. И дѣйствительно, какъ только партія большевиковъ овладѣла правительственной властью она тотчасъ же приступила

къ осуществленію перечисленныхъ только-что лозунговъ и въ теченіе двухъ первыхъ мѣсяцевъ осуществила ихъ всѣ. А именно: была дана земля народу, была отмѣнена смертная казнь, возстановленная при Керенскомъ на фронтѣ, былъ декретированъ 8-ми часовой рабочій день, было заключено съ центральными державами сепаратное перемиріе и начаты переговоры о мирѣ, было созвано Учредительное Собраніе и были положены базы совѣтскаго соціально-политическаго режима въ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, большевистская партійная программа пріобрѣла фактически подлинно-коммунистическій характеръ, сведясь къ конкретному осуществленію, укрѣпленію и дальнѣйшему развитію и усовершенствованію новаго политико-соціальнаго устроенія Россіи. Это была программа уже не политической борьбы и соціальныхъ завоеваній, а программа коммунистическаго управленія страной и постепеннаго внѣдренія соціалистическихъ принциповъ и организаціи во всѣ сферы народной жизни. Свое общее начертаніе она получила въ формѣ вышеупомянутой «Конституціи Россійской Соціалистической Совѣтской Республики», утвержденной 5-ымъ Съѣздомъ Совѣтовъ и содержавшей, между прочимъ, слѣдующіе знаменательные пункты: «... 9. Основная задача разсчитанной на настоящій моментъ Конституціи Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики заключается въ установленіи диктатуры городского и сельскаго пролетаріата и бѣднѣйшаго крестьянства въ видѣ мощной Всероссійской Совѣтской власти въ цѣляхъ полнаго подавленія буржуазіи, уничтоженія эксплуатаціи человѣка человѣкомъ и водворенія соціализма, при которомъ не будетъ ни дѣленія на классы, ни государственной власти. 10. Россійская Республика есть свободное соціалистическое общество всѣхъ трудящихся Россіи. Вся власть въ предѣлахъ Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики принадлежитъ всему рабочему населенію страны, объединенному въ городскихъ и сельскихъ Совѣтахъ... 12. Верховная власть въ Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республикѣ принадлежитъ Всероссійскому Съѣзду Совѣтовъ, а въ періодъ между съѣздами, — Всероссійскому Центральному Исполнительному Комитету. 13. Въ цѣляхъ обезпеченія за трудящимися дѣйствительной свободы совѣсти, церковь отдѣляется отъ государства и школа отъ церкви, а свобода рели-

ріозной и антирелигіозной пропаганды признается за всѣми гражданами. 14. Въ цѣляхъ обезпеченія за трудящимися дѣйствительной свободы выраженія своихъ мнѣній, Р. С. Ф. С. Р. уничтожаетъ зависимость печати отъ капитала и предоставляетъ въ руки рабочаго класса и крестьянской бѣдноты всѣ техническія матеріальныя средства къ изданію газетъ, брошюръ, книгъ и всякихъ другихъ произведеній и обезпечиваетъ ихъ свободное распространеніе по всей странѣ. 15. Въ цѣляхъ обезпеченія за трудящимися дѣйствительной свободы собраній, Р. С. Ф. С. Р., признавая право граждань Совѣтской Республики свободно устраивать собранія, митинги, шествія и т. п., предоставляетъ въ распоряженіе рабочаго класса и крестьянской бѣдноты всѣ пригодныя для устройства народныхъ собраній помѣщенія съ обстановкой, освѣщеніемъ и отопленіемъ. 16. Въ цѣляхъ обезпеченія за трудящимися дѣйствительной свободы союзовъ, Р. С. Ф. С. Р., сломивъ экономическую и политическую власть имущихъ классовъ и этимъ устранивъ всѣ препятствія, которыя до сихъ поръ мѣшали въ буржуазномъ обществѣ рабочимъ и крестьянамъ пользоваться свободой организаціи и дѣйствія, оказываетъ рабочимъ и бѣднѣйшимъ крестьянамъ всяческое содѣйствіе, матеріальное и иное, для ихъ объединенія и организаціи. 17. Въ цѣляхъ обезпеченія за трудящимися дѣйствительнаго доступа къ знанію, Р. С. Ф. С. Р. ставитъ своей задачей предоставить рабочимъ и бѣднѣйшимъ крестьянамъ полное всестороннее безплатное образованіе. 18. Р. С. Ф. С. Р. признаетъ трудъ обязанностью всѣхъ гражданъ республики и провозглашаетъ лозунгъ: «не трудящійся да не ѣстъ!» 19. Въ цѣляхъ всемѣрной охраны завоеваній великой рабоче-крестьянской революціи, Р. С. Ф. С. Р. признаетъ обязанностью всѣхъ гражданъ республики защиту соціалистическаго отечества и устанавливаетъ всеобщую воинскую повинность. Почетное право защищать революцію съ оружіемъ въ рукахъ предоставляется только трудящимся, на нетрудовые элементы возлагается отправленіе иныхъ военныхъ обязанностей... 23. Руководствуясь интересами рабочаго класса въ цѣломъ, Р. С. Ф. С. Р. лишаетъ отдѣльныхъ лицъ и отдѣльныя группы правъ, которыя использовываются ими въ ущербъ интересамъ соціалистической революціи... 64. Правомъ избирать и быть избранными въ Совѣты пользуются, независимо

отъ вѣроисповѣданія, національности, осѣдлости и т. п., слѣдующіе обоего пола граждане Р. С. Ф. С. Р., коимъ ко дню выборовъ исполнилось восемнадцать лѣтъ: а) Всѣ добывающіе средства къ жизни производительнымъ и общественно-полезнымъ трудомъ, а также лица, занятыя домашнимъ хозяйствомъ, обезпечивающимъ для первыхъ возможность производительнаго труда, какъ-то: рабочіе и служащіе всѣхъ видовъ и категорій, занятые въ промышленности, торговлѣ, сельскомъ хозяйствѣ и проч., крестьяне и казаки-земледѣльцы, не пользующіеся наемнымъ трудомъ съ цѣлью извлеченія прибыли. б) Солдаты Совѣтской арміи и флота. в) Граждане, входящіе въ категоріи, перечисленныя въ пунктахъ 1 и 2 статьи 82, потерявшіе въ какой-либо мѣрѣ трудоспособность.»...

Однако, настолько же, насколько революціонные лозунги большевиковъ и ихъ программа коммунистическаго устроенія и управленія совѣтской Россіей были логическимъ соотвѣтственнымъ развитіемъ и расширеніемъ ихъ предварительной программы «минимумъ», настолько же чуждо и первой, и этой послѣдней, стала вскорѣ же ихъ правительственная практика. При своемъ конкретномъ осуществленіи большевистская программа «максимумъ» пожрала лежащую въ ея основаніи и составляющую и ея руководящій принципъ, и ея формальное conditio sine qua non программу «минимумъ». Совѣтизмъ, долженствовавшій теоретически явиться потенцированнымъ воплощеніемъ, кульминаціоннымъ пунктомъ «демократизма», конкретно и фактически оказался отмѣной этого послѣдняго; даже болѣе того — его каррикатурой, надругательствомъ надъ нимъ и его могилою. Революціонный и демократическій демократизмъ оказался практически въ рукахъ большевиковъ не только не преображеніемъ и усовершенствованіемъ буржуазнаго демократизма передовыхъ странъ Европы и Америки, а, наоборотъ, глубокимъ искаженіемъ, уничтоженіемъ самыхъ основныхъ принциповъ всякаго демократизма. Совѣтская Республика не въ теоріи ея программы конституціи, а какъ она существуетъ и живетъ сейчасъ на практикѣ, есть не что иное, какъ «социалистическій царизмъ», по удачному выраженію представителя итальянскихъ металлургистовъ, Коломбино, ѣздившаго въ прошломъ году въ Россію вмѣстѣ съ делегатомъ итальянской соціалистической партіи.

Въ самомъ дѣлѣ! Прежде всего, въ Совѣтской Россіи фактически отмѣнены всѣ наиэлементарнѣйшіе атрибуты народовластія. Право голосованія не только ограничено по конституціи уже (и вопреки первоначальной соц.-демократической программѣ, а равно и элементарной политико-соціальной справедливости), обладаніемъ такъ наз. «трудовой карточки», но по большей части вовсе не примѣняется, такъ какъ выборы снизу замѣняются назначеніемъ сверху, идетъ ли дѣло о Центральномъ Исп. Комитетѣ, или о провинціальныхъ Совѣтахъ, или о фабричныхъ комитетахъ и т. п.; въ тѣхъ же случаяхъ, когда оно примѣняется, голосованіе происходитъ (какъ напр. при выборахъ на всероссійскій съѣздъ совѣтовъ) подъ абсолютнымъ контролемъ и безсмѣннымъ давленіемъ на народныя массы сверху и сопровождается всевозможнѣйшими маневрами, ухищреніями, угрозами и мѣропріятіями «властей». Разнымъ образомъ, отмѣнены и всѣ такъ наз. «гражданскія свободы»; бумага и печать буквально монополизированы правительствомъ; для собраній необходимо правительственное разрѣшеніе. Политическія партіи могутъ существовать лишь только съ разрѣшенія правительства, а потому почти не существуютъ; личной неприкосновенности нѣтъ и въ поминѣ; и всякая попытка проявить свободу слова и критиковать правительственныя дѣйствія немедленно же пресѣкается и безпощадно карается, если не исходитъ изъ рядовъ «правительственной партіи». Наконецъ, нѣтъ и свободы передвиженія. Такимъ образомъ, отсутствуетъ не только гражданская (на языкѣ большевиковъ «буржуазная») свобода въ широкомъ смыслѣ этого слова, но нѣтъ и «рабочей свободы» въ узкомъ смыслѣ слова, такъ какъ рабочій, какъ «таковой», находится передъ лицомъ правительственной власти въ такихъ же политическихъ и соціальныхъ тискахъ, какъ и любой другой русскій гражданинъ. Нынѣшняя Совѣтская Россія есть царство чрезвычайно рѣзко выявленнаго деспотизма.

Во-вторыхъ, вопреки Совѣтской Конституціи, въ нынѣшней Россіи практически осуществляется не диктатура пролетаріата, а, какъ это было мѣтко сформулировано, «диктатура надъ пролетаріатомъ». Высшая и безаппеляціонная власть принадлежитъ тамъ сейчасъ не рабочему населенію страны, а коммунистической партіи, считающей въ своихъ рядахъ до 600 000 чле-

новъ, (что составляетъ около 0,4% всего народонаселенія Совѣтской Россіи); и такъ какъ партія эта представляетъ собою образецъ самой безпощадной желѣзной дисциплины и централизаціи, то, собственно говоря, народной Россіей — правитъ нынѣ Центральный Комитетъ ея черезъ посредство «партійно» подчиненныхъ ему (не офиціально и не по конституціи, а на дѣлѣ) основныхъ государственныхъ учрежденій (каковы Центральный Исполн. Комитетъ Совѣтовъ, Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ, Всероссійскіе Съѣзды Совѣтовъ, система чрезвычаекъ, Высшій Военный Совѣтъ и т. д., и т. д.).

Въ дополненіе не лишне будетъ упомянуть о томъ, что въ одной изъ своихъ относительно недавнихъ рѣчей Ленинъ высказалъ рядъ соображеній о полезности и эвентуальной возможности установленія въ совѣтскомъ государствѣ единоличной власти. Но какъ бы тамъ ни было съ этими его соображеніями, сейчасъ Россія представляетъ собою, безъ сомнѣнія, деспотію выраженно олигархическаго характера, которая ничего общаго не имѣетъ съ народоправствомъ.

Въ-третьихъ, для того, чтобы осуществлять такой способъ правленія страною, диктаторствующей коммунистической партіи пришлось чрезвычайно расплодить бюрократію (200 тысячъ чиновниковъ въ Петроградѣ, 400 тысячъ въ Москвѣ), возсоздать обширную полицейскую организацію и заново организовать военную силу въ видѣ многочисленнаго регулярнаго войска, построеннаго на обязательной воинской повинности всѣхъ гражданъ мужскаго пола отъ 18 до 40 лѣтъ. Такимъ образомъ, вмѣсто самихъ тружениковъ, гражданъ Совѣтской Республики, ихъ политическимъ, соціальнымъ, экономическимъ и духовнымъ существованіемъ завѣдуетъ совѣтскій чиновникъ, принесшій съ собою фактически въ невиданныхъ еще размѣрахъ бюрократическую волокиту и путаницу, произволъ, продажность, подкупъ, неравенство и несправедливость. Совѣтская Россія, — это сейчасъ царство самаго безпардоннаго, вреднаго и отвратительнаго бюрократизма. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и не въ меньшей степени, въ ней господствуетъ и торжествуетъ, вмѣсто истиннаго народнаго суда и истинно народнаго охраненія общественнаго порядка,

ный безграничный и грубый полицеизмъ «чрезвычайки» (Че-Ка), являющейся значительнымъ усовершенствованіемъ, — въ смыслѣ хищности, скупости, жестокости и желѣзной дисциплины, — царской «охраны» и жандармеріи и переполненной, кромѣ небольшого числа безумныхъ доктринеровъ революціонизма, полицейскими элементами стараго режима и вообще темными элементами со всякаго рода уголовнымъ прошлымъ. Наконецъ, вмѣсто «народа въ оружіи», какъ того требовала первоначальная соц.-демократическая программа большевиковъ и какъ то было подтверждено еще разъ въ первоначальныхъ декретахъ совѣтской власти, эта послѣдняя вернулась снова къ необходимости создать регулярную армію и вотъ, какъ и царизмъ, опирается на соорганизованную въ годъ при помощи большинства царскихъ генераловъ и офицеровъ «красную армію» не только въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ и субсидируемой и поддерживаемой иностранными державами реакціей, но и въ борьбѣ съ такъ наз. «внутреннимъ врагомъ», т. е. самимъ русскимъ народомъ (рабочими и крестьянами), возмущающимся противъ произвола и деспотіи нынѣшней русской государственной власти. И, такимъ образомъ, въ Совѣтской Россіи не только господствуютъ самые безпросвѣтные бюрократизмъ съ полицеизмомъ, но и намѣчается возрожденіе милитаризма въ «красномъ» его переизданіи.

Въ четвертыхъ, параллельно уничтоженію всѣхъ политическихъ свободъ нынѣшней совѣтской властью проводится, поелику это возможно, уничтоженіе и свободъ соціальныхъ. А именно, ей удалось установить, — de facto лишь по отношенію къ городскимъ жителямъ, — принципъ принудительности труда. Русскій рабочій, да и вообще русскій человѣкъ, является, такимъ образомъ, просто напросто «крѣпостнымъ» русской государственной власти (т. е. коммунистической партіи). Этому какъ нельзя больше посодѣйствовало въ отношеніи къ фабричному пролетаріату значительное ограниченіе полномочій фабричныхъ комитетовъ и подчиненіе фабрикъ вновь назначенной сверху дирекціи и администраціи, а равно и отмѣна свободы передвиженія. Въ отношеніи къ солдату такую же роль сыграла отмѣна выборнаго начала въ арміи и передача ея организаціи и администраціи въ руки снова сверху назначаемаго командная состава. Что касается крестья-

ства, то оно въ этомъ отношеніи какъ бы помѣнялось ролями съ городскимъ пролетаріатомъ, предоставляя этому за свою поддержку октябрьскаго переворота расплачиваться переиспытаніемъ того, что такъ хорошо было извѣстно самому крестьянству до 1861 года. Русское крестьянство сумѣло побѣдить настойчивыя и многократныя посягательства совѣтской власти на его соціальную свободу и въ настоящее время пользуется — horribile dictu! — правомъ частной собственности на землю, возстановленной самой же совѣтской властью для того, чтобы найти хотя бы какой-нибудь сносный государственный modus vivendi въ деревнѣ. Этимъ, разумѣется, разомъ была ликвидирована одна изъ главнѣйшихъ базъ Совѣтской Конституціи и нарушено одно изъ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ заданій и обѣщаній большевистской партіи. Ибо вмѣсто коммунизма ей приходится volens nolens государственно практиковать мелкую частчую собственность; и не въ какомъ-нибудь уголкѣ, а на всемъ протяженіи безбрежной Россіи (въ настоящее время 96,8% земель находятся фактически въ частной собственности у крестьянъ; 2,7% — въ рукахъ земельныхъ общинъ; 0,5% — у совѣтскихъ предпріятій).

Въ пятыхъ, въ Россіи уничтожена и всякая духовная свобода: свобода мысли и воспитанія. Прежде всего потому, что воспрещено и мыслить, и воспитывать иначе, какъ то предписывается государственной властью, проникнутой и руководящейся коммунистической идеологіей. Во-вторыхъ же, — и это гораздо серьезнѣе и чреватѣе послѣдствіями, — потому, что сейчасъ въ Россіи предписывается и мыслить, и воспитывать на коммунистическій ладъ. Это губитъ спервоначалу же всѣ тѣ благія намѣренія, которыми преисполненъ бываетъ нерѣдко комиссаріатъ народнаго просвѣщенія и которыя нерѣдко же начинаетъ приводить въ исполненіе. Замѣтный ростъ грамотности и народнаго образованія, обнаружившійся ужъ за истекшіе 4 года русскаго «народовластія», теряетъ въ значительной мѣрѣ свое значеніе, такъ какъ онъ сопряженъ съ однобокой и пристрастной отшлифовкой дѣтской души и, что еще того хуже, съ пріученіемъ ея къ теоріи, практикѣ и зрѣлищу не только политико-соціальнаго гнета, но и духовнаго закрѣпощенія. Научное и художественное творчество, въ особенности, что касается сферы со-

дильно-политическихъ вопросовъ и отношеній, по той же причинѣ почти совсѣмъ замерло сейчасъ въ Россіи. Представитель научной мысли можетъ трактовать тамъ какой-либо соціальный вопросъ лишь въ угодномъ (или по меньшей мѣрѣ нейтральномъ) для коммунистической партіи духѣ; въ противномъ случаѣ, онъ долженъ либо молчать, либо погибнуть отъ голода (будучи лишенъ заработка и «кормовыхъ» привилегій его категоріи), либо попасть въ руки совѣтской полиціи.

Въ шестыхъ, кромѣ этихъ общихъ и фундаментальныхъ несоотвѣтствій между первоначальными заданіями и обѣщаніями большевизма и его послѣдовавшими затѣмъ государственными дѣйствіями, практика нынѣшняго совѣтскаго режима противорѣчитъ имъ самымъ кричащимъ образомъ и въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ, иногда въ высшей степени важныхъ и отвѣтственныхъ вопросовъ, еще болѣе отдаляя этотъ режимъ не только отъ осуществленія демократизма вообще, но и отъ осуществленія чисто совѣтскаго народоправства въ частности. А именно, стремясь къ захвату власти, большевики обѣщали народу миръ, великій, всецѣлый, безпредѣльный миръ; вмѣсто этого они заставили его все время воевать, и не только съ врагомъ «внутреннимъ» (въ чемъ ихъ вина, во всякомъ случаѣ, частичная), но и съ врагомъ внѣшнимъ; и сейчасъ заставляютъ его въ предвидѣніи «возможныхъ» внѣшнихъ войнъ изо всѣхъ силъ вооружаться, милитаризироваться, готовиться къ войнѣ. Они шли къ власти съ криками: «Долой смертную казнь»; но никто еще и никогда не дѣлалъ ее въ Россіи столь постояннымъ и систематическимъ орудіемъ внутренней государственной политики, какъ они (около 10 000 офиціально зарегистрованныхъ казней въ теченіи 3 первыхъ лѣтъ существованія совѣтской власти и десятки тысячъ безъ суда и разбора разстрѣляннаго народа). Они боролись съ Временнымъ Правительствомъ подъ лозунгомъ «Немедленный созывъ Учредительнаго Собранія»; но, убѣдившись, что не имѣютъ въ немъ большинства, разогнали его безпощадно подъ предлогомъ того, что въ совѣтскомъ государствѣ буржуазія (которая едва-едва была тамъ представлена) не имѣетъ политическихъ правъ; и затѣмъ, какъ о томъ уже упоминалось, они не [illegible] настоящаго Рабочаго Парламента, свободно избраннаго русскимъ народомъ на основахъ Совѣтской конституціи, а установили періодическій съѣздъ ста-

влениковъ собственной партіи, насильно навязываемыхъ народу подъ именемъ его депутатовъ. Они провозглашали право народовъ Россіи на самостоятельное устроеніе своихъ судебъ, но систематически нарушали и продолжаютъ нарушать свободу самоопредѣленія всѣхъ малыхъ народностей, живущихъ на самой Россіи или рядомъ съ нею. Они требовали полной отмѣны секретной дипломатіи; но ограничившись въ этомъ отношеніи опубликованіемъ нѣкоторыхъ секретныхъ документовъ прежнихъ государствъ, затѣмъ возстановили на свой собственный ладъ типичнѣйшую секретную дипломатію; и не только въ дѣлахъ внѣшней политики, но, въ гораздо большихъ, гигантскихъ размѣрахъ, въ дѣлахъ внутренней политики страны. Они положили въ основу своей коммунистической программы и введеннаго ими совѣтскаго строя націонализацію и статадизацію промышленныхъ предпріятій, торговли и кооперативовъ; но послѣ трехлѣтняго приблизительно опыта, денаціонализировали вновь мелкую торговлю и кооперативы и готовятся приступить къ денаціонализаціи промышленности, намѣреваясь ввести самыя широкія торговыя сношенія съ буржуазно-капиталистическими странами и допустить, на базѣ самой строгой гарантіи всѣхъ прерогативъ мелкой и крупной частной собственности, иностранный капиталъ въ предѣлы Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики. И т. д. и т. д.

Наконецъ, вопреки радужнымъ посуламъ и роскошнымъ обѣщаніямъ большевиковъ, практика совѣтскаго государственнаго устройства принесла съ собою Россіи и народу: 1. величайшее національное униженіе въ Брестъ-Литовскѣ; 2. полное разрушеніе транспорта и промышленности; 3. губительное сокращеніе земледѣлія; 4. ужасный голодъ, особенно чувствующійся въ городахъ сѣвера и сѣверо-запада; 5. моръ населенія отъ эпидемій и болѣзней, бушующихъ на подобіе стихій, въ виду отсутствія гигіены и средствъ медицинской помощи; 6. чрезвычайное общее огрубѣніе и деморализацію нравовъ (спекуляція, продажность, шпіонство и т. д.); 7. въ частности: соціально-политическое развращеніе новыхъ поколѣній (растущихъ въ атмосферѣ деспотіи, спекуляцій, воровства, казней и полицейскаго режима); 8. гибель интеллигенціи, вымирающей отъ матеріальныхъ лишеній и правительственныхъ преслѣ-

ланій; 9. упадокъ внутренней культуры и внѣшней цивилизаціи. И т. д. и т. д.

Словомъ, Совѣтская Россія, долженствовавшая (и могшая) быть государственной свободной ассоціаціей свободно трудящихся на всѣхъ поприщахъ людей и базисомъ для нарожденія и развитія новой пролетарской культуры, представляетъ собою, въ дѣйствительности, огромную тюрьму, въ которой царитъ политико-социальная деспотія и духовно-физическая пытка.

Большевистская философія.

Таковы историческіе антецеденты и актуальный соціально-политическій фасадъ большевистскаго партійнаго самоутвержденія. Но за соціально-политической практикой всякой значительной и жизнеспособной партіи должно стоять и всегда непремѣнно стоитъ болѣе или менѣе разработанная и систематизированная идеологія. Опредѣленная партійная соціально-политическая работа одухотворяется всегда опредѣленнымъ міросозерцаніемъ. Потому и у большевизма есть своя партійная, «оффиціальная», «казенная» философія.

Эту философію легко можно охарактеризовать однимъ, чрезвычайно выразительнымъ словомъ. Это — матеріализмъ; самое рѣшительное, самое безудержное и повсемѣстное и вмѣстѣ съ тѣмъ самое примитивное, упрощенное и прозаическое утвержденіе матеріалистическаго міропониманія. Хотя оно и не было еще до сихъ поръ никѣмъ изъ большевистскихъ вождей зафиксировано въ видѣ пространно выраженной философской концепціи, тѣмъ не менѣе не трудно возстановить его въ общихъ чертахъ изъ относительно немногочисленныхъ большевистскихъ, болѣе или менѣе отрывочныхъ публикацій, высказываній, полемикъ, репликъ и замѣчаній философскаго характера. Ибо совершенно ясные (по меньшей мѣрѣ словесно) отвѣты имъ даны — и не одинъ разъ — тамъ и самъ въ наиболѣе существенныя проблемы общей и частной философіи.

Большевистскій матеріализмъ это — прежде всего матеріализмъ метафизическій, сводящій все сущее къ дѣйствію въ матеріи механическихъ силъ. Все въ мірѣ, — не только физическая природа, но и біологія, психическая жизнь, общество, исторія, наука, нравственность, религія и искусство, — объясняется тутъ, въ конечномъ итогѣ, атомистическими законами матеріи; всеобщимъ началомъ и всеобщей основой въ мірѣ является атэмъ, извѣчно надѣленный примитивными силами притяженія и отталкиванія. На такой догматической базѣ вырастаетъ затѣмъ столь же примитивная физіологическая теорія познанія, біологическая психологія, гедонистически-утилитаристическая этика, сенсуалистическая эстетика и т. д., и т. д. Все это продукты и образованія самаго не-критическаго, грубаго, наивнаго философствованія, только прикрывающагося научностью, а на самомъ дѣлѣ насквозь догматическаго и совершенно чуждаго философской наукѣ и не воспринимающаго ни самомалѣйшимъ образомъ истиннаго духа умозрѣнія. Вполнѣ соотвѣтственнымъ такому примитивному матеріалистическому догматизму является проникающее собой большевистское міропониманіе высокомѣріе къ чужимъ и чуждымъ философскимъ концепціямъ. Кто не умѣетъ быть критиченъ по отношенію къ самому себѣ, тотъ, навѣрняка, будетъ демагогически и вульгарно критиченъ, или, вѣрнѣе, полемиченъ по отношенію къ другимъ. И дѣйствительно, большевистское трактованіе, вѣрнѣе, третированіе великихъ классиковъ философіи и выдающихся философскихъ мыслителей современности не знаетъ ни удержу, ни мѣры. Едва соприкоснувшись съ труднѣйшими философскими концепціями и рѣшеніями труднѣйшихъ проблемъ человѣческой мысли и существованія, лидеры большевизма отмахиваются отъ нихъ презрительно и съ видомъ мудрецовъ, давно уже превзошедшихъ въ мудрости своей «устарѣвшихъ» или недомысленныхъ собратьевъ, штемпелюютъ ихъ, по привычкѣ, нѣсколькими страшными словцами изъ своего соціально-политическаго словаря и затѣмъ сбрасываютъ, какъ негодную дрянь, въ мусорный ящикъ духовныхъ отбросовъ человѣчества. Лишь немногіе изъ большевиковъ, по натурѣ болѣе рафинированные (вродѣ Луначарскаго или Богданова), рѣшаются переступить черезъ матеріалистическій примитивизмъ и догматизмъ и хотя бы слегка и въ наи-

болѣе безвредной и наименѣе еретической формѣ пріобщиться философскаго умозрѣнія; но они зато терпятъ укоры и порицанія, а иногда попадаютъ въ положеніе отщепенцевъ, даже ренегатовъ усвоенной оффиціальной мудрости.

Но во всѣхъ упомянутыхъ только что областяхъ философскаго мышленія большевизмъ никогда не пускался въ продолжительное и дальнее плаваніе, довольствуясь рядомъ унаслѣдованныхъ отъ своихъ матеріалистическихъ предшественниковъ (французскихъ энциклопедистовъ, Фейербаха, Маркса съ Энгельсомъ) общихъ мѣстъ и формулъ. Зато гораздо обстоятельнѣе вдавались его представители въ философское разсмотрѣніе и изложеніе вопросовъ человѣческой исторіи и экономическаго и общественнаго бытія человѣческаго рода. Здѣсь, въ спеціальной сферѣ философіи исторіи, общества и хозяйственныхъ взаимоотношеній, а равно и въ сферѣ, такъ сказать, политической философіи, большевистское міросозерцаніе подверглось гораздо болѣе обстоятельной разработкѣ и выявленію. И въ результатѣ получился рядъ доктринъ и представленій, которыя хотя и не блещутъ большой оригинальностью, но представляютъ, тѣмъ не менѣе, подчасъ любопытное и знаменательное соединеніе и приспособленіе извѣстныхъ уже концепцій къ россійской дѣйствительности.

Оставаясь вѣрнымъ своимъ общимъ матеріалистическимъ базамъ и будучи и въ этомъ смыслѣ строго послѣдовательнымъ, большевистское міросозерцаніе обнаруживается въ сферѣ этихъ вопросовъ и проблемъ, прежде всего, какъ ученіе самаго крайняго и безграничнаго д е т е р м и н и з м а. Человѣческая исторія, въ его глазахъ, есть продолженіе общаго процесса міровой, въ частности, жизненной эволюціи, управляемой непреложными законами, которые въ своемъ примѣненіи къ данной сферѣ получаютъ спеціальный характеръ историческихъ или соціологическихъ законовъ. Благодаря этому, все опредѣлено и предопредѣлено въ человѣческой исторіи: ни общество, ни отдѣльный человѣкъ, сколько бы они ни старались и сколь бы это ни казалось имъ временами, не въ состояніи ни на волосъ измѣнить законосмысленно развивающагося процесса ихъ жизни. Въ человѣческой жизни царитъ такая же необходимость, какъ и въ жизни физическаго міра, свобода дѣйствій, свобода воли есть лишь субъективная иллюзія

человѣка, который объективно и хочетъ, и дѣйствуетъ согласно закону природы.

Этотъ историческій механицизмъ или детерминизмъ получаетъ у большевиковъ выявленно и крайне экономическій характеръ, поелику они принимаютъ въ этомъ отношеніи всецѣло и въ ея наиболѣе примитивной, грубой формѣ историческую философію Маркса. Надъ жизнью и исторіей человѣческой безраздѣльно господствуетъ, по ихъ мнѣнію, экономическій факторъ; на базѣ хозяйственныхъ взаимоотношеній и закономѣрностей разыгрывается и отъ нихъ повсемѣстно зависитъ исторія ли всего человѣчества, или исторія его отдѣльныхъ и болѣе или менѣе многолюдныхъ группировокъ. И потому все въ человѣческой исторіи, въ общественной жизни человѣка объяснимо, въ конечномъ счетѣ, исключительно и только, какъ непосредственный или болѣе или менѣе отдаленный продуктъ хозяйственной жизни, — всѣ явленія политики, морали, художества, мысли, религіознаго постиженія. Философія Канта и Риккерта, или же самихъ большевиковъ, является порожденіемъ соотвѣтствующихъ хозяйственныхъ условій и взаимоотношеній ихъ времени — совершенно такъ же, какъ любая мысль есть порожденіе соотвѣтствующаго даннаго мозгового состоянія, а это послѣднее въ концѣ концовъ объясняется механическими законами и взаимоотношеніями матеріи. Такимъ образомъ, для того, чтобы знать, что будетъ въ данномъ человѣческомъ обществѣ въ данный моментъ времени, необходимо изучить предварительно въ точности всѣ прецеденты экономическаго характера; и только зная хорошо экономическую среду даннаго и предшествующихъ моментовъ, можно быть увѣреннымъ, что такія-то твои дѣйствія вызовутъ къ жизни такія-то общественно-историческія послѣдствія.

Этотъ историческій матеріализмъ пріобрѣтаетъ, въ частности у большевиковъ, какъ правовѣрныхъ послѣдователей марксистской доктрины, характеръ *соціально-демократическаго ученія* о неизбѣжности пролетарской революціи. Согласно этой доктринѣ, капиталистическій строй, являющійся въ нашу эпоху господствующей формой экономическаго, а потому и вообще соціальнаго и культурнаго бытія человѣчества, долженъ, достигнувъ кульминаціоннаго пункта своего развитія въ концентраціи огромныхъ ка-

петаловъ въ немногихъ рукахъ, въ то же время вызвать къ жизни самосознательную и солидарную организацію мірового пролетаріата, которая затѣмъ революціоннымъ ударомъ политически возобладаетъ надъ капиталистической олигархіей, завладѣетъ политической властью и рядомъ глубокихъ соціально-экономическихъ и культурныхъ реформъ строить новое соціалистическое общество на основѣ обобществленія орудій труда и вообще всего механизма производительной, финансовой и трудовой жизни. Этотъ процессъ новаго общественнаго устроенія, пройдя первоначальную и временную стадію диктатуры пролетаріата, пользующуюся еще для упроченія и проведенія новыхъ соціальныхъ принциповъ формою государственнаго, т. е. бюрократически-централистическаго полицейскаго и принудительнаго завѣдованія народными дѣлами, приведетъ съ теченіемъ времени неизбѣжно къ уничтоженію государства, какъ общественной организаціи, и установленію коммунистическаго, т. е. свободнаго и широко-федералистическаго способа общественнаго сожительства людей. Для этого, подъ руководствомъ пролетарской и государственной диктатуры, человѣчество должно преодолѣть классовую структуру своего нынѣшняго хозяйственнаго быта и усвоить себѣ до конца общинную форму труда, производства и сожительства.

Характерными дополненіями къ такому основному ученію о природѣ и сущности историческаго процесса человѣческой жизни являются затѣмъ у большевиковъ отдѣльныя ученія о природѣ революціи, о правѣ и силѣ, о природѣ государства, о свободѣ и демократіи, о политическомъ компромиссѣ и т. д. и т. д. Революція мыслится ими неукоснительно, какъ насиліе, какъ рѣзкая насильственная ломка существующаго капиталистическаго уклада, вызывающая ожесточенное сопротивленіе со стороны въ немъ господствующихъ классовъ, требующая безпощадныхъ разрушеній и стоющая моря страданій и слезъ. Диктатура пролетаріата, которая знаменуетъ собою не заключительный пунктъ революціоннаго процесса, а его неотъемлемую характеристику на всемъ его протяженіи, вынуждена неизбѣжно опираться на военную силу и утверждать свой авторитетъ, подавляя безпощадно всѣ возстанія противленія и протесты и широко прибѣгая къ помощи террора. Этотъ механическій брутальный характеръ внѣшняго проявленія революціи оказывается, по

ольшевистской концепціи, присущимъ ей также и внутренне, ибо революція мыслится, согласно ей, какъ феноменъ неизбѣжный въ отношеніи и къ ея наступленію, и къ ея развитію и свершенію, и къ ея достиженіямъ. Она неизбѣжно должна наступить въ опредѣленный моментъ; неизбѣжно должна разразиться поскомъ насилій, дикой расправы, ожесточенной борьбы крови; и неизбѣжно должна утвердить новый строй. Человѣкъ во всемъ этомъ лишь механическое звено, лишь средство, лишь ничтожная песчинка. Не имъ революція можетъ быть вызвана и не имъ остановлена.

Соотвѣтственно такому взгляду на революцію, право съ государствомъ теряетъ въ глазахъ большевистской философіи свое моральное или даже юридическое значеніе. Моральный авторитетъ правовыхъ нормъ, правовой авторитетъ государственныхъ учрежденій — пустой звукъ для матеріалистически-экономическаго пониманія человѣческой жизни. Право лишь тогда есть право, когда оно надѣлено физической силой самозмѣненія, государство лишь тогда имѣетъ какое-нибудь значеніе, когда оно являетъ собою систему дѣйствительнаго конкретнаго принужденія. Даже болѣе того: и право и государство создаются силой, являются какъ бы ея эманаціями. Такъ, напр., совершающаяся нынѣ революція, какъ неудержимая матеріально-историческая сила, залитъ на земь и разбиваетъ буржуазное право либерализма и сокрушаетъ капиталистическую организацію государства, устанавливая вслѣдъ затѣмъ, въ лицѣ диктатуры пролетаріата и воплощающей ее Россійской Соціалистической Федеративной Совѣтской Республики, новое пролетарское право и новую соціалистическую государственную организацію.

Пустой звукъ представляетъ собою для большевизма и свобода вообще и въ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ принципъ демократическаго устройства коллективнаго человѣческаго существованія тоже въ общемъ и широкомъ смыслѣ этого слова. Онъ знаетъ, строго придерживаясь своего историко-матеріалистическаго ученія о борьбѣ классовъ, лишь свободу и демократизмъ, присущіе какой-либо изъ дѣйствующихъ конкретно на исторической аренѣ соціальныхъ силъ, свободу и демократизмъ капиталистическіе или свободу и демократизмъ пролетарскіе. Т. е. такіе свободу и демократизмъ, которые, въ одну сторону оборачиваясь произволомъ, въ другую глядятъ оловянными глазами

насилія, принужденія и тиранніи. Иными словами, — свобода и демократизмъ для власть имущихъ, представляющіе для не имущихъ власти тюрьму и рабство. Большевистская свобода есть свобода диктаторовъ осуществлять повсемѣстно и до конца ихъ диктаторскую власть; и въ то же время это — самое явственнѣйшее и всестороннее угнетеніе тѣхъ, кто этой власти не пріемлетъ. Это — «самодержавная» свобода, теоретически перенесенная съ одной главы на цѣлый классъ, но по существу дѣла и съ морально-юридической точки зрѣнія ничѣмъ отъ самодержавія не отличающаяся.

Такое возвеличеніе власти, такое преклоненіе (и теоретическое и практическое) передъ силой, такая матеріализація и механизація высшихъ соціальныхъ идей и идеаловъ человѣчества естественно и послѣдовательно приводитъ большевизмъ къ проповѣдованію и исповѣдованію принципіальной безпринципности. И, прежде всего, для большевизма не существуетъ вообще никакой морали; онъ не понимаетъ и не признаетъ нравственнаго долга, нравственныхъ максимъ, нравственныхъ доблестей. Мораль растворяется для него въ политической тактикѣ, а эта послѣдняя всецѣло запечатлѣна идеей пользы и цѣлесообразности. Основнымъ его практическимъ принципомъ является положеніе: «цѣль оправдываетъ средство» въ самомъ грубомъ, конкретномъ и примитивномъ смыслѣ этого слова. Это — нравственный обскурантизмъ высшаго напряженія, подлинное моральное хулиганство. И оно-то, безспорно, руководило устами и перомъ Ленина, когда много лѣтъ уже тому назадъ съ нихъ сорвалось однажды столь кощунственное и въ своей кощунственности столь выразительное восклицаніе: «Тьфу этика, тьфу эстетика!» И что это именно такъ, лучше всего свидѣтельствуетъ глубочайшій и безудержный нравственный разгулъ, охватившій практически Россію при большевизмѣ и создавшій новое, крайне отрицательное и даже ругательное понятіе и словоупотребленіе этого термина, для обозначенія самаго безогляднаго и безпредѣльнаго аморализма и хулиганства. Ибо большевикомъ зовутъ сейчасъ того, кто способенъ поживиться, смошенничать, обокрасть, убить, напасильничать, спекулировать, разрушать и т. д., и т. д., и подъ кличкой большевика сейчасъ фигурируютъ одновременно и безпартійный политическій авантюристъ и

шантажистъ, и безумный кровожадный доктринеръ изъ «чрезвычайки», и погромщикъ-черносотенецъ изъ «бѣлаго стана», и любая крупно-капиталистическая «акула», и любой разбойникъ à la Махно, и любой галантливый грабитель чужихъ кармановъ, и вообще всякій человѣкъ, старающійся безъ стыда и зазрѣнія совѣсти поживиться на чужой счетъ.

Во-вторыхъ, и въ тѣсной связи съ этимъ, все для большевизма запечатлѣно относительностью: не только основоначала соціальной идеологіи человѣчества, но и его собственныя основоначала, вродѣ революціи, диктатуры пролетаріата, совѣтскаго режима, коммунистической организаціи и т. п. Всѣми этими понятіями и конкретными факторами и силами можно и нужно оперировать и играть примѣнительно къ обстоятельствамъ. Коли не удается отмѣна частной собственности, можно и нужно ее частично возстановить; коли не удается диктатура пролетаріата, можно и нужно установить диктатуру «надъ пролетаріатомъ»; коли не удается подорвать капитализмъ въ другихъ странахъ, можно и нужно войти съ нимъ въ дружескія отношенія; коли не удается обойтись безъ бюрократіи и милитаризма, можно и нужно вернуться вспять и воспользовать и ихъ, и т. д., и т. д. Обоготвореніе силы оборачивается неизбѣжно практикованіемъ компромиссовъ; брутальная «физическая» политика не можетъ не сопровождаться компромиссной тактикой. И, можетъ быть, никому еще не удалось выразить этой именно черты большевистской идеологіи лучше и прямѣе вождя итальянской соціалистической партіи (примыкающей къ III-му Интернаціоналу) Серрети: «Мы пойдемъ, — заявилъ онъ совсѣмъ недавно на страницахъ руководимаго имъ органа партіи L'Avanti, — и вправо, и влѣво, и даже въ преисподнюю, только бы послать къ чорту это позлащенное, источенное червями зданіе, имя котораго — буржуазное общество». Дальше идти по безпринципности уже некуда! Цѣль до такой степени оправдываетъ здѣсь средство, что теряетъ всѣ существенныя черты своей финальной возвышенности и притягательности и, въ концѣ концовъ, сама становится лишь однимъ изъ средствъ.

Уже этой краткой характеристики философскаго багажа большевизма достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что изначально столь идейно убогія основныя

часъ со корешкомъ образомъ спроверглются, прямо
ками сталтываются идеологическимъ хулиганствомъ
го тактическихъ выходовъ. Пропопѣдовать тактику
оціальнаго эксперимента и компромиссныхъ рѣшеній
на живомъ тѣлѣ какъ будто бы боготворимаго проле-
таріата, и это во имя матеріалистическаго и механисти-
ческаго пониманія сущаго и человѣка, — что можетъ
быть противорѣчивѣе и непослѣдовательнѣе этого?!
Развѣ нужно, возможно, допустимо какое-нибудь за-
ключеніе компромиссовъ тамъ, гдѣ все извѣчно предо-
предѣлено незыблемой и безпощадной законностью при-
роды? И, наоборотъ, развѣ можно, развѣ дозволи-
тельно искать оправданія и обоснованія конкретнаго
политическаго экспериментализма и компромиссизма
въ теоріяхъ метафизическаго и экономическаго матеріа-
лизма? Что-нибудь одно изъ двухъ: либо, дѣйстви-
тельно, все сущее опредѣляется матеріально «атомомъ»
и «силою», и тогда незачѣмъ и недозволительно, и
даже, собственно говоря, невозможно экспериментиро-
вать и въ сферѣ соціально-политической жизни чело-
вѣчества; либо экспериментировать тутъ можно и
нужно, но въ такомъ случаѣ царство желѣзной и не-
преложной необходимости не распространимо хотя бы
только на эту сферу, и тутъ находитъ себѣ при-
ложеніе свободная воля человѣка, которая отнюдь не
исчерпывается понятіями силы и власти и требуетъ
для своего объясненія и оправданія иныхъ понятій,
иной, нематеріалистической идеологіи.

Но и помимо этого внутренняго противорѣчія,
философская идеологія большевизма обнаруживаетъ не-
посредственно всѣ признаки несостоятельности. Въ
самомъ дѣлѣ, не достаточно ли поглядѣть только на
существующее непредвзятыми, освобожденными отъ док-
тринерскихъ и кабинетскихъ очковъ глазами, чтобы сразу
же почувствовать и понять, что въ его рядахъ есть
много вещей совсѣмъ иного порядка, чѣмъ матеріаль-
ный? Развѣ не ясно, что числа, напр., будучи надѣлены
своей собственной математической структурой и, такъ
сказать, своей собственной математической жизнью,
суть объекты совершенно иного порядка, чѣмъ всѣ такъ
наз. физическіе предметы, и изъ этихъ никакъ ни вы-
ведены, ни отвлечены быть не могутъ? Развѣ не ясно
столь же, что атомъ — не воображаемый, а настоящій
атомъ физической науки, представляющій собою нечто
иное, какъ логическое построеніе, т. е. опредѣленный

логическій предметъ, — не могъ бы быть ни выведенъ, ни отвлеченъ никоимъ образомъ отъ догматически и наивно-реалистически постулируемаго матеріализмомъ во внѣшнюю дѣйствительность атома, какъ наименьчайшей матеріальной частицы, буде онъ существовалъ бы? И т. д. и т. д.

Большевистская философія дважды сплющиваетъ все сущее, весь міръ: во-первыхъ, какъ монизмъ, во-вторыхъ, какъ монистическій матеріализмъ. Она его этимъ обезцвѣчиваетъ и фальсифицируетъ, ибо сущее — это безконечное многообразіе. Соотвѣтственно этому она опошляетъ и оподляетъ человѣческую душу, осуждаетъ ее на духовный маразмъ, ибо лишаетъ ее всецѣло ея нравственно-идеалистическаго багажа и, предписывая ей низкія античеловѣческія максимы, старается привоспитать ей безграничный матеріалистическій фанатизмъ и культивировать въ ней классовое человѣконенавистничество. Для большевистской философіи не существуетъ нравственно ничего выше и значительнѣе двухъ факторовъ и двухъ принциповъ: физической силы и физической потребности. Это — *выраженная мораль принужденія и брюха*; и въ этомъ смыслѣ она нисколько не уступаетъ по своей сплющенности и ограниченности теоретической концепціи большевиковъ. Она такъ же обезцвѣчиваетъ и фальсифицируетъ практическій міръ, какъ монистическій матеріализмъ продѣлываетъ это съ бытіемъ. Но, можетъ быть, ни въ чемъ матеріалистическое убожество и нравственный хулиганизмъ большевистскаго міросозерцанія не сказывается такъ рѣзко, какъ въ трактованіи его идейными выразителями исторіи философіи и иныхъ философскихъ системъ и міровоззрѣній. Читая ихъ, не знаешь хорошенько, смѣяться ли нужно или плакать, такая обнаруживается здѣсь узость, невѣжество, легкомысліе, поверхностность и дурной тонъ. Все духовное творчество человѣческой мысли ставится тутъ въ зависимость отъ конкретныхъ экономическихъ факторовъ и взаимоотношеній, и изъ нихъ прямикомъ объясняется, въ поруганіе всякой логики, всякой морали, всякаго смысла; и въ то же время философскія системы, построенія, аргументы и идеи становятся неукоснительной мишенью самыхъ злобныхъ и отвратительныхъ политическихъ нападокъ, укоровъ и квалификацій. Съ одной стороны, — это невѣжественный

философскій сумбуръ; съ другой — идейная инсценировка грядущаго застѣнка, будущей «чрезвычайки».

Философія большевизма.

Если ограничиться въ анализѣ большевизма этого рода замѣчаніями и поставить точку, — какъ дѣлаютъ сейчасъ очень многіе, чтобы не сказать всѣ, изслѣдователи изъ противнаго лагеря (а равно и почти всѣ изъ его почитателей, но только съ явно противоположной оцѣнкой), — то ничего, кромѣ отрицательнаго сужденія, о немъ вынести нельзя. Совершенно естественны и по своему логичны въ такомъ случаѣ всѣ эти столь ходячія нынѣ характеристики его и заклеймленія, какъ голаго «разрушенія», какъ «азіатскаго соціализма», какъ «возрожденія самодержавія», какъ «реакціи слѣва», какъ «солдафонщины», какъ грубаго и примитивнаго матеріалистическаго «полицеизма», какъ «аракчеевщины», какъ «отрицанія русской революціи» и т. д., и т. д. Особенно, когда они подкрѣпляются картинами и статистиками ужасной, катастрофической актуальной жизни — политической ли, экономической ли, духовной ли — безразлично, въ Россіи.

Но насколько естественно и понятно можетъ быть — увы! — такое отношеніе къ дѣлу со стороны человѣка, либо зашибленнаго ужасами нынѣшней россійской дѣйствительности, либо захваченнаго политической и соціальной борьбою момента и думающаго только о томъ, какъ бы провести въ жизнь программу своей партіи или доставить ей поскорѣе возможность стать у власти, настолько же неестественно и непростительно было бы остановиться на подобномъ ограниченномъ и поверхностномъ анализѣ для человѣка, желающаго, прежде чѣмъ дѣйствовать, дать себѣ ясный и основательный отчетъ въ происходящемъ; тѣмъ болѣе для философа. Послѣднему мало ознакомиться съ конкретнымъ актуальнымъ соціальнымъ, политическимъ и вообще культурнымъ **status quo** большевизма; его долгъ и задача постараться проникнуть въ суть и смыслъ феномена, именуемаго большевизмомъ, интерпретировать его въ

только и не столько съ точки зрѣнія настоящаго момента, сколько въ общемъ контекстѣ событій и переживаній, актовъ и созданій русской жизни всей послѣдней эпохи и вообще всей жизни человѣчества. Для философа важенъ въ данномъ случаѣ, какъ всегда, substractum явленія, а не внѣшнія и преходящія формы его. Его задача не только и не столько узнать и изложить оффиціальную большевистскую практику, идеологію и философію, сколько составить и дать философію большевизма, какъ явленія человѣческой исторіи, человѣческой жизни, человѣческаго бытія.

1.

Что же такое большевизмъ въ такой расширенной и углубленной перспективѣ? Это, прежде всего, типичная черта русскаго народнаго духа, русской національной психологіи. Русскій народъ, русскій человѣкъ отъ природы максималистъ: онъ всегда склоненъ къ крайностямъ и всегда бываетъ крайнимъ въ своихъ проявленіяхъ и переживаніяхъ. Его исторія — тому непровержимое и многообразное свидѣтельство. И чтобы не ходить далеко, возьмемъ напр. его квази-безконечное прозябаніе подъ ярмомъ самодержавнаго строя. Это былъ какой-то экстремизмъ терпѣнія. Молчаливо годами, десятилѣтіями, даже столѣтіями несъ онъ этотъ крестъ, какъ можетъ быть никакой другой народъ міра, сложившійся въ націю, образовавшій огромное государство и создавшій свою собственную культуру, его никогда не несъ и нести бы не согласился. Или возьмемъ, какъ примѣръ, ту упорную, безпримѣрную въ исторіи человѣчества революціонную борьбу, которую вела такъ наз. русская интеллигенція, т. е. тотъ классъ русскаго народа, который составлялъ какъ бы его мозгъ, противъ самодержавія. И это былъ своего рода экстремизмъ освободительнаго энтузіазма. Многія десятилѣтія, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями, не ослабѣвая ни отъ какихъ жертвъ, упорно и неукоснительно наносила она ударъ за ударомъ въ тѣло русскаго абсолютизма, столь твердо стоявшаго на базѣ только-что упомянутаго народнаго долготерпѣнія, и въ концѣ концовъ сокрушила его и дала прорваться, наконецъ, мощной волнѣ освобожденія. Совершенно такого же порядка

и переживаемое нынѣ русскимъ народомъ революціонное опьяненіе. Будучи упрямъ и неукротимъ въ теоріяхъ и борьбѣ, онъ столь же упрямъ и неукротимъ въ разрушеніи стараго уклада, коли оно началось, и въ созданіи новаго. Смести все старое, насадить все новое, — разомъ, отчаяннымъ, могучимъ усиліемъ воли, — и какими угодно средствами и чего бы это ни стоило, — вотъ чего онъ добивается сейчасъ въ большевизмѣ.

Русскій народъ не знаетъ среднихъ рѣшеній, никогда не довольствовался и не довольствуется половинными достиженіями. Повсюду, во всѣхъ областяхъ его жизни, ему нужно все сполна, нуженъ абсолютъ, нужно воплощеніе идеала. Ему абсолютно чуждъ западно—европейскій оппортунизмъ, довольствующійся почти всегда формой и готовый ждать до второго пришествія конкретныхъ содержаній. Русскому народу либо ничего не надо, либо подавай все сполна, и вотъ сейчасъ, и въ самомъ конкретномъ осязательномъ видѣ. Aut Caesar aut nihil! Таковъ онъ во всемъ, и въ личной жизни составляющихъ его членовъ, и въ своей общественно-политической жизни, и въ своихъ религіозныхъ исканіяхъ, и въ своихъ философскихъ запросахъ.

И таковъ же онъ въ своихъ великихъ людяхъ. Не безпощаднымъ ли государственнымъ экстремистомъ былъ Петръ Великій, смявшій всю Россію, какъ кусокъ глины, въ своихъ могучихъ рукахъ и вылѣпившій затѣмъ изъ нея собственноручно же совсѣмъ новую скульптуру? Не экстремистъ ли былъ, по своей психологіи и своей философіи, Левъ Толстой, желавшій во что бы то ни стало и сейчасъ же низвести царство Божіе на землю и не принимавшій никакихъ компромиссовъ въ своихъ моральныхъ требованіяхъ къ человѣчеству и человѣку?

До сихъ поръ русскій народъ хранилъ это основное и характернѣйшее свойство, такъ сказать, въ своей груди, изживалъ его интимно и втихомолку рось и развивался. По отношенію къ остальному міру, въ частности къ Европѣ, онъ держался скорѣе пассивно, рецептивно, подражательно, всасывая въ себя постепенно все лучшее, что было содѣяно раньше и содѣевалось еще другими народами. И Европа узнавала объ его оригинальномъ путрѣ лишь изрѣдка, отрывочно и отраженно, всегда, ощущая при столкновеніи съ нимъ и его духовной жизнью нѣкоторую растерянность и

обнаруживая, почти безъ исключеній, полное его непониманіе, какъ передъ какой-то потусторонней загадкой. Отраженіе татарскихъ нашествій въ концѣ Среднихъ Вѣковъ, появленіе Петра Великаго, метеоромъ прошедшаго по Европѣ въ страшно-величественномъ образѣ царя-плотника, сокрушеніе мощи Наполеона въ началѣ XIX-го столѣтія, да нѣсколько отдѣльныхъ духовныхъ проявленій, вродѣ Достоевскаго и Толстого, — вотъ и все, пожалуй, въ чемъ выявился досель русскій народъ наружу самостоятельнымъ и импонирующимъ образомъ и что дошло до сознанія Европы и коснулось ея соціально-духовнаго бытія въ большей или меньшей степени. Нынѣ пробилъ часъ всесторонняго и всеисчерпывающаго европейскаго и мірового выступленія русскаго народа. Въ поднятой имъ всепотрясающей революціи онъ разомъ смѣнилъ прежнюю свою пассивную позицію на активную и со всѣмъ своимъ большевистскимъ темпераментомъ и со всѣмъ багажемъ своихъ крайнихъ и глубокихъ переживаній вышелъ на міровую арену.

Но большевизмъ не только типичная черта русской души, не только основное русское народное переживаніе современности, не только мощная соціально-политическая и духовно-культурная самопроекція русскаго народа вовнѣ. Большевизмъ есть также не менѣе характерная, типичная черта мірового и, особенно, европейскаго настроенія массъ въ переживаемое нами время. Это — то чувство, или, вѣрнѣе, предчувствіе и умонастроеніе, которое постепенно охватываетъ всю Европу и все больше и больше кристаллизуется въ формѣ опредѣленныхъ требованій и дѣйствій. Это — всечеловѣческое чувство нестерпимости господствующаго соціалѣно-политическаго уклада, предчувствіе его неминуемаго крушенія и воля содѣйствовать этому краху съ цѣлью ускорить установленіе новаго соціально-политическаго бытія. Повсюду и въ Европѣ, и въ другихъ мѣстахъ, народныя массы все больше и больше откликаются — разумѣется, разнообразно, въ зависимости отъ темперамента и спеціальныхъ условій, — на слово, раздавшееся въ Восточной Европѣ и примыкаютъ къ русской народной фалангѣ. Въ этомъ своемъ дѣйствіи и значеніи большевизмъ подобенъ тому чувству и умонастроенію, которое напр. 19 вѣковъ тому назадъ нашло себѣ выходъ въ христіанствѣ, а сто лѣтъ тому назадъ раз-

лось Великой Французской Революціей. Христіанство было борьбою и сокрушеніемъ античнаго аристократизма и рабства; Французская Революція сокрушила феодальный строй; большевизмъ вздымается, какъ полагаетъ, долженствующая разрушить капиталистическую конструкцію современнаго общества.

2.

Это грандіозное выступленіе русскаго народа на міровой аренѣ, естественно, до сихъ поръ проявилось, главнымъ образомъ, чисто-практически, въ рядѣ ли соціально-политическихъ дѣйствій и установленій, въ глубокомъ ли соціально-политическомъ возбужденіи и броженіи, въ провозглашеніи ли опредѣленныхъ лозунговъ и программъ. Но, безусловно, оно не было бы столь потрясающе и грандіозно, если бы за его практической внѣшностью не скрывалось и не менѣе импозантное духовное нутро. Выступая, чтобы перевернуть міръ, русскій народъ несетъ съ собою, конечно, не жалкое повтореніе примитивнаго вульгарнаго матеріализма, которымъ прикрываются оффиціальные вожаки и программы этого движенія, а новый духовный смыслъ существованія, новыя основныя понятія жизни и новую философію, которыя еще трудно различить за конвульсивной и мучительной дѣйствительностью соціально-политическаго прогресса, но которыя уже изжиты имъ и подготовлены въ столѣтнемъ его долготерпѣніи и въ упорной революціонной борьбѣ его стойкой интеллигенціи.

Прежде всего, большевизмъ несетъ съ собою новое понятіе свободы. Адэкватнѣе всего будетъ обозначить его, какъ понятіе рабочей, т р у д о в о й с в о б о д ы. Какъ извѣстно, политически это выразилось въ провозглашеніи «декларація правъ трудящагося и эксплуатируемаго народа», которой была принципіально установлена послѣдняя форма рабства: капиталистическая. Чтобы представить всю глубину этой трансформаціи, достаточно только сравнить этотъ новый шагъ, по его смыслу, съ предыдущими историческими шагами человѣчества въ опредѣленіи и установленіи человѣческой свободы. Греко-романскій міръ зналъ и понималъ ее послѣднюю лишь, какъ аттрибутъ сочлена греческой

или римской республики, и отвергалъ его для всѣхъ другихъ народовъ, которые обозначались, какъ варвары, а въ случаѣ покоренія трактовались, какъ рабы. Послѣ длительнаго процесса внутренней переработки, въ Великой Французской Революціи обнаружилось новое понятіе человѣческой свободы, гораздо болѣе широкое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и гораздо болѣе формальное; свободнымъ былъ объявленъ всякій человѣкъ, свой ли или чужой, поскольку онъ сообразуется съ основными принципами и установленіями существующаго общественнаго и государственнаго порядка. Если античное представленіе о свободѣ можно характеризовать, какъ аристократическое, то понятіе ея, легшее въ основу «декларацiи правъ гражданина и человѣка», характеризуется, какъ формально-демократическое, юридически-гражданственное. По существу дѣла, матеріально, практически, конкретно, однако же, рабство не было еще уничтожено до конца, и свобода не восторжествовала еще окончательно. Ибо сохранилась рабская зависимость труда отъ капитала; и не только сохранилась, но и расцвѣла, развилась и вскорѣ достигла своего апогея. Если рабочій былъ на протяженія 19-го столѣтія свободенъ политически, какъ гражданинъ, онъ былъ полнымъ рабомъ экономически, какъ рабочій, а это значило, по существу дѣла, что и его гражданская свобода въ значительной мѣрѣ была не болѣе, какъ лоскуткомъ бумаги; ибо установившаяся экономическая структура общественнаго бытія, осуществлявшая и освящавшая собою эту новую форму рабства, входила неотъемлемымъ параграфомъ въ число общественныхъ нормъ и заповѣдей, опредѣлявшихъ свободу гражданина. Большевизмъ знаменуетъ собою идейно какъ разъ отмѣну такого взаимоотношенія, отказъ отъ подобной фальсификаціи свободы. Въ немъ идейно свобода не только сохраняетъ всечеловѣческую форму, но и пріобрѣтаетъ столь же всечеловѣческую плоть и кровь; ибо онъ требуетъ въ первую же очередь прекращенія наличествующаго экономическаго рабства, уничтоженія воплощающаго его государственно-общественнаго института и погребенія вдохновляющихъ ихъ принциповъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ — и это второй огромный духовный вкладъ, который онъ несетъ съ собою, — большевизмъ

постулируетъ совсѣмъ новое понятіе труда, каковое точнѣе всего будетъ обозначить, какъ понятіе н е з а и н т е р е с о в а н н а г о труда: р а б о т ы р а д и р а б о т ы. При капиталистическомъ режимѣ, (которому должно положить конецъ большевизмъ), понятіе труда тѣсно связано съ понятіемъ заработка, наживы и частной собственности. Отмѣняя эту послѣднюю и ликвидируя капиталъ, какъ экономическую форму соціальнаго существованія человѣчества, большевизмъ превращаетъ трудъ изъ соціально-экономическаго средства въ соціально-экономическую цѣль, въ подлинную категорію экономическаго бытія человѣка. Въ основѣ большевистской конституціи соціальнаго существованія лежитъ мысль о томъ, что и предприниматель, и чернорабочій, и ученый, и художникъ должны всѣ одинаково работать: работать потому, что они — люди, а человѣкъ, какъ экономическое существо, есть рабочій; и работать не ради чего-либо другого, а ради самой работы, ибо работа есть одно изъ самоопредѣленій человѣка, какъ такового; болѣе того, одно изъ основныхъ опредѣленій духа и бытія вообще, равное, по своему существенному достоинству, такимъ конституивнымъ факторамъ бытія, какъ истина, добро, красота и святость.

Далѣе, на почвѣ этихъ двухъ новыхъ понятій свободы и труда въ большевизмѣ ферментируются и возникаютъ два дальнѣйшихъ, столь-же новыхъ понятія личности и государства. Чисто моральное, формалистическое понятіе личности, въ нѣмецкомъ идеализмѣ Канта, Фихте и Гегеля, основывавшееся на чисто формальномъ понятіи свободы, рожденномъ титаническимъ усиліемъ Французской Революціи, получаетъ нынѣ плоть и кровь, т. е. конкретное содержаніе. Подобно тому, какъ свобода становится совершенной, мыслясь, какъ трудовая свобода, такъ и личность становится конкретнымъ моральнымъ принципомъ, мыслясь, какъ т р у д о в а я л и ч н о с т ь. Въ свою очередь, и понятіе государства теряетъ въ большевизмѣ свой формально-политическій, централистически-монистическій характеръ. Съ формальной стороны, государство превращается изъ искусственной и формальной надстройки надъ экономическимъ бытіемъ человѣка въ ту самую среду, въ которой человѣкъ упражняетъ себя, какъ трудовую личность, и которая функціонируетъ, какъ гарантія для такой его безопасности и матеріальнаго его суще-

ствованія. По содержанію своему, государство изъ сложно-іерархизированнаго соціальнаго тѣла сословій, классовъ и индивидуумовъ превращается въ упрощенный комплексъ личностей, равно и каждая на своемъ мѣстѣ выполняющихъ общую функцію охраненія труда и личности. Въ противоположность монизму и утилитаризму современнаго демократическаго парламентаризма, совѣтская система несетъ съ собою осуществленіе *соціальнаго плюрализма*, гдѣ не государство является господиномъ индивидуума, а индивидуумъ является господиномъ, или, вѣрнѣе, вершителемъ государственнаго бытія.

Изъ всего сказаннаго несомнѣнно явствуетъ, что большевизмъ предвѣщаетъ въ ближайшемъ будущемъ новое выступленіе философскаго творчества, новую оригинальную попытку осмыслить сущность бытія и смыслъ существованія. Да иначе и быть не можетъ, ибо его сущность составляетъ новое самоутвержденіе свободы, а свобода есть сущность духа и сущаго и, стало быть, сущность философствованія. И это вполна подтверждается исторически. Такъ, напр., несмотря на то, что Французская Революція была подготовлена и вскормлена, главнымъ образомъ, матеріализмомъ энциклопедистовъ и сентиментальнымъ индивидуализмомъ Руссо, она проявила духовно-систематически свою сущность въ формѣ могучихъ построеній нѣмецкаго трансцендентальнаго идеализма, которыя всѣ, въ конечномъ счетѣ, являются умозрительными системами свободы. Точно такъ же и Русская Революція, несмотря на свою узко-матеріалистическую подготовку въ лицѣ марксизма, будучи въ такой же мѣрѣ практическимъ воплощеніемъ свободы, не можетъ не обнаружиться, съ своей стороны, въ видѣ ряда новыхъ систематическихъ трактованій свободы. Трудно предугадать, какой изъ народовъ будетъ исполнителемъ этихъ новыхъ философскихъ откровеній, но, послѣдовательно мысля, врядъ ли можно отрицать, что, по характеру своему, съ одной стороны, продолжая обще-философскую традицію, а, съ другой, соотвѣтствуя духу времени — революціонной и соціально-политической дѣйствительности, эти откровенія должны будутъ носить форму *плюралистическаго идеализма*.

3.

Какова же будутъ основныя конституитивныя черты грядущаго плюралистическаго философствованія? Прежде всего, философскій плюрализмъ характеризуется, какъ критика до конца или же осуществленіе полной непредвзятости и безпредпосылочности. Это значитъ, въ первую голову, что философское познаніе, начиная свою работу, отказывается отъ всѣхъ теорій, отъ опредѣленныхъ сужденій, мнѣній, воззрѣній, точекъ зрѣнія и стремится повсюду къ существу прямо, не принося никакой отсебятины. Словомъ, плюралистически инспирированное философское познаніе начинаетъ полнымъ незнаніемъ и полнымъ сомнѣніемъ. Всякій разсматриваемый имъ предметъ представляетъ для него задачу, которую еще надо разрѣшить, — которая отнюдь не разрѣшается своимъ наличнымъ видомъ и разрѣшать которую можно, только тщательно провѣривъ всѣ обнаруживаемыя имъ свойства, безпощадно изгнавши все кажущееся, произвольное, совершенно отказавшись отъ догматическаго принятія на вѣру и давши заговорить во весь голосъ самому предмету, какъ таковому.

Такой общій познавательный подходъ плюрализма заставляетъ его гносеологически избрать феноменологическій методъ. Этотъ послѣдній состоитъ въ томъ, чтобы мысленно достать самъ предметъ, войти въ самую его сущность, прильнуть къ его груди и слушать чуткимъ ухомъ біеніе его сердца. Другими словами, феноменологически изслѣдовать — значитъ достигнуть мысленнаго уразѣнія. И чѣмъ дальше уходитъ при этомъ феноменологическая работа отъ привычныхъ логическихъ схемъ мышленія, отъ первоначальныхъ интуитивистическихъ навыковъ и пріемовъ философскаго предмето-пониманія, тѣмъ ближе она достигаетъ своей цѣли, тѣмъ больше сливается воедино со своимъ вотъ-этимъ или вотъ-тѣмъ предметомъ. Идеальнымъ предѣломъ въ этомъ направленіи было бы полное отпаденіе познающаго субъекта и познавательнаго процесса, какъ предпосылокъ познанія, т. е. полная непосредственность и наличность каждаго предмета, какъ такового. Потому феноменологическій методъ плюрализма можно еще характеризовать, какъ критицистическій.

Повсемѣстное и неукоснительное примѣненіе этого феноменологическаго метода неизбѣжно ведетъ къ плюралистической метафизикѣ. И, первымъ дѣломъ, это выражается въ полной самостоятельности и самостности отдѣльныхъ широкихъ сферъ сущаго: сферъ нравственнаго, прекраснаго, святого, экономическаго, бытійнаго и т. д. Въ монистическомъ постиженіи эти сферы сущаго всегда представляются по схемѣ какой-нибудь одной изъ нихъ, чѣмъ символически искажаются одновременно и характерныя черты представляемыхъ схемъ, и конкретная, спеціальная сущность той изъ нихъ, которая играетъ роль представляющей сферы. Критическій плюрализмъ долженъ совлечь съ сущаго всѣ такія схемы, всѣ даже самыя приросшія и окаменѣвшія наслоенія натурализма и эстетизма, этизма и экономизма. Но этимъ дѣло еще не кончается: должна быть установлена и обезпечена также и разность или самостоятельность самихъ познавательныхъ предметовъ, содержаній, наличностей. Все въ сущемъ, все, что есть, все, что наличествуетъ, т. е. все сущее или наличествующее есть и наличествуетъ какъ то, что оно есть, какъ именно это такое-то, наличествующее. Каждая наличность, каждое сущее самостно, въ себѣ сконцентрировано, самимъ собою регулируемо и правимо; каждое наличествующее есть свой собственный законъ, свое собственное опредѣленіе, свой собственный жизненный источникъ.

Отсюда совершенно ясно, что въ сферѣ нравственной философіи плюрализмъ непремѣнно долженъ выступить, какъ система чистой свободы, какъ мысленно-интуитивная кристаллизація послѣдовательнаго демократизма. Полная свобода каждой народности въ болѣе обширномъ народномъ цѣломъ и въ общей семьѣ всего человѣчества, полная правоспособность и независимость различныхъ общественныхъ группъ одного и того же народа и другъ по отношенію къ другу, и по отношенію ко всему народу, полное самоутвержденіе, самоконцентрированность и самоотвѣтственность отдѣльныхъ индивидуумовъ и по отношенію къ объемлющимъ ихъ группамъ, націямъ, народамъ, и по отношенію ко всѣму цѣлому человѣчества, — вотъ то наивысшее утвержденіе духовно-нравственной свободы, которое адэкватнѣе всего заполняетъ нравственнымъ содержаніемъ фундаментальную плюралистическую формулу: sed ex pluribus unum*

Подобно тому, какъ подлинно-сущій предметъ, будучи до конца и всецѣло самимъ собою и не будучи ничѣмъ другимъ, именно благодаря этому есть нѣчто сущее и составляетъ моментъ всецѣлаго Сущаго, — точно такъ же и подлинная человѣческая личность, лишь будучи до конца и всецѣло сама собою, въ себѣ самой и для себя самой, и не будучи нисколько, ни самомалѣйшимъ образомъ чѣмъ-либо инымъ, именно въ силу этого есть нѣчто свободное и выявляетъ наличіе всецѣлой Свободы. Non ab **Libertate** plures **libertates**, **sed** ex **Libertatibus Libertas!** Только тогда, когда законъ обновительство есть сама и каждая нравственно-своеобразная личность и притомъ и вовнутрь и вовнѣ, и только тогда наличествуетъ всецѣлая свобода.

Послѣсловіе.

Въ заключеніе этихъ краткихъ соображеній по поводу внутренняго существа большевизма будетъ не лишне для ясности предупредить нѣсколько возможныхъ возраженій. И, прежде всего, на все вышесказанное могутъ отвѣтить такъ: да, вы правы, утверждая, что Русская Революція несетъ съ собою эру духовнаго обновленія и строительства, эпоху переработки и утвержденія новыхъ кардинальныхъ понятій и категорій общественнаго существованія; но только большевизмъ тутъ совершенно не при чемъ и даже болѣе того: большевизмъ являетъ собою стадію упадка и задержки осуществленія Русской Революціей этихъ ея задачъ, а, можетъ быть, даже и ея самоубійство, ея могилу. Однако, такое возраженіе зиждется на чистѣйшемъ недоразумѣніи, вызываемомъ либо партійной неспособностью, либо тактическимъ нежеланіемъ взглянуть въ глаза самой дѣйствительности. Большевизмъ, это — не стадія только Русской Революціи, это та ея стадія, на которой она разразилась съ наибольшей силой и заявила о себѣ особенно громко, рѣзко и опредѣленно. Безусловно эта стадія запечатлѣна зловѣщей и отталкивающей улыбкой на-

силія и развала; но вмѣстѣ съ тѣмъ именно этой улыбкой Русской Революціи было суждено объявить міру свое подлинное соціальное лицо и провозгласить свои основные принципы. Въ мартѣ 1917 года мы слышали только революціонный лепетъ «медоваго мѣсяца» и видѣли только робкіе шаги родившагося общественно-политическаго обновленія; буря пришла потомъ, и только на мрачномъ и зловѣщемъ большевистскомъ небѣ засверкали ослѣпительныя зарницы. Мартовская революція была чиста и хороша и тѣломъ и духомъ, но — увы! — она оказалась импотетна; октябрская революція показала отвратительное лицо и оскаленную маску и окуталась клубами духовнаго смрада и окунулась въ море преступленій; но она и зачала, и родила, и раститъ... пусть въ мукахъ и проклятіи, но раститъ невиданное дѣтище. Именно въ большевизмѣ Русская Революція установила въ Россіи Совѣтскій строй; именно въ большевизмѣ она повергла тамъ на земь капитализмъ и растоптала принципы собственности; именно въ большевизмѣ сейчасъ ищетъ мучительно и подчасъ такъ гнусно какого-то примиренія между цѣнными еще элементами «стараго» и самоутвердившимися уже властно элементами «новаго». Такова непредвзятая историческая дѣйствительность самаго недавняго прошлаго и сегодняшняго дня; и если не хочешь зарывать голову въ песокъ или кривить душою, ее необходимо признать и принять, какъ она есть.

Во вторыхъ, могутъ начать возражать слѣдующимъ образомъ: вы охарактеризовали сначала большевизмъ въ его нынѣшнемъ конкретномъ проявленіи, какъ систему своеобразнаго политико-соціальнаго деспотизма и насилія; какъ же можетъ такой феноменъ нести въ себѣ и воплощать идею максимальной свободы? Можно ли и какъ можно видѣть въ большевизмѣ откровеніе свободнаго труда, когда онъ de facto сдѣлалъ его принудительнымъ и установилъ своего рода соціалистическое рабство? Можно ли и какъ можно видѣть въ большевизмѣ государственный плюрализмъ, когда онъ являетъ сейчасъ собою государственно самую яростную централизацію и іерархію? И т. д., и т. д. — Можно, отвѣтимъ мы, не колеблясь, и потому можно, что, во-первыхъ, нынѣшній моментъ большевизма, нынѣшняя форма его, нынѣшніе его вожаки суть элементъ преходящій; а, во-вторыхъ, они составляютъ еще вдоба-

вокъ, совершенно явнымъ образомъ, какъ бы болѣзненную спазму общаго процесса, какъ бы искаженную гримасу общаго движенія; припадокъ пройдетъ, а здоровая революціонная суть останется. Наличнымъ въ этомъ противорѣчіемъ смущаться нечего, — оно глубоко исторично. Все доброе и цѣнное въ человѣческой исторіи всегда рождалось и развивалось въ атмосферѣ злого и отвратительнаго, съ нимъ смѣшиваясь и срастаясь. И участь эта не миновала ни одной изъ Революцій, т. е. ни одного изъ бореній за свободу.

Но развѣ не означаютъ, — такъ можетъ настаивать намъ воображаемый оппонентъ, — терроръ, возстановленіе политическаго сыска, расцвѣтъ милитаризма подъ новымъ соусомъ и полное экономическое разстройство страны, — каковыми характеризуется какъ разъ большевистскій періодъ Русской Революціи, — развѣ не означаютъ они глубокаго внутренняго разложенія ея, ея само-разрушенія, ея само-отрицанія, ея краха? — И да, и нѣтъ, отвѣтимъ мы одновременно. Да — если брать вещи аккуратно, не ставя нынѣшнихъ революціонныхъ событій въ связь съ болѣе широкимъ историческимъ процессомъ человѣчества; нѣтъ — если посмотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія всего предыдущаго столѣтія и намѣчающихся очертаній грядущаго. Русская Революція уже побѣдила по существу; и побѣдила именно, какъ большевизмъ, какъ реконструкція міра на новыхъ началахъ свободы, труда, личности и государства; но въ конкретной реализаціи своей побѣды она будетъ, несомнѣнно, задержана, именно благодаря своему начальному внѣшне-конкретному уродливому проявленію въ формѣ террора, насилія, милитаризма и экономическаго развала, которые играютъ только на руку врагамъ русской и большевистской революціи. И о томъ, что это такъ, свидѣтельствуетъ хотя бы примѣръ Французской Революціи. Вспомнимъ, напр., слѣдующіе факты. 1) Въ теченіе послѣднихъ 49 дней личной диктатуры Робеспьера въ 1794 году на Площади Согласія на эшафотъ взошло 1376 человѣкъ, т. е. въ среднемъ по 28 человѣкъ въ день; и среди нихъ взошелъ также и главный вдохновитель и протагонистъ Революціи, Дантонъ. 2) Въ началѣ 1795 года одинъ золотой ливръ стоилъ ассигнаціями 130, а въ концѣ его — уже 2500; мѣшокъ муки — 225 ливровъ, возъ дровъ — 500 ливровъ, фунтъ хлѣба — 45 ливровъ, фунтъ соли — 560 ливровъ, gigot —

...зровъ. 3) Милитаризмъ сверху все больше и ...охватывалъ и проникалъ съ 1795 года народ... французское сознаніе, подготовляя почву для ...вшагося воцаренія Наполеона. И тѣмъ не менѣе, ...несмотря на всѣ послѣдующія антиреволюціонныя ...ипетіи Французская Революція все же выполнила ...ое назначеніе и конкретно выявила свою духовно-...нозяющую сущность и въ соціально-политическомъ ...роительствѣ, и въ философскомъ творчествѣ. Правда, ...большимъ запозданіемъ, именно благодаря той ...акціи, которую она сама вызвала своимъ преступ...мъ экстремизмомъ.

Многимъ французамъ и иностраннымъ современ...камъ Французской Революціи казалось, что авто...атизмъ — обязательная категорія политической жизни ...что онъ отнюдь не побѣжденъ поэтому Революціей; ...непосредственно послѣдовавшая за Революціей эпоха ...къ будто бы подтверждала такой взглядъ, повернувъ ...шительно въ сторону реакціи и реставраціи. Между ...мъ, въ дѣйствительности и подъ реставраціонными ...еждами Европа и человѣчество продолжали изжи...ть и впитывать задержанную Французской Революціей ...бѣду надъ автократизмомъ; и только болѣе чѣмъ ...резъ сто лѣтъ (въ 1917—1918 гг.) окончательно реа...зировались конкретно завѣты и завоеванія 1789—1794 ...овъ. Такъ и теперь капитализмъ и принципъ ...стной собственности побѣждены безповоротно Рус...ой Революціей; но люди, умственный кругозоръ кото...хъ разъ и на всегда либо теоретически, либо прак...ически ограниченъ эгоистической и капиталистиче...ой концепціей экономическаго бытія человѣчества, ...дутъ считать и объявлять это еще долгое время ...зможнымъ и, можетъ быть, даже умрутъ съ та...мъ убѣжденіемъ въ мозгу. Это, однако, нисколько ...помѣшаетъ дальнѣйшему ходу исторіи осуществить ...закрѣпить навѣки сокрушительный ударъ, нанесен...й только-что въ Россіи этимъ мнимо-незыблемымъ ...палам.

Наконецъ, — чего добраго, — какому-нибудь оппо...иту придетъ еще въ голову сказать: но вѣдь больше...ки же провозглашали лозунгъ — «кто не работаетъ, ...ѣстъ». Гдѣ же тутъ ваше понятіе незаинтере...ованнаго труда? Не есть ли это, наоборотъ, самое ...рытое исповѣданіе полной и принципіальной за...интересованности его? По существу дѣла и на это

уже отмѣчено выше, о внутренней идейно-умозрительной сущности большевизма или, лучше, того могучаго духовнаго движенія, внѣшнимъ и искаженнымъ призракомъ или даже гримасою котораго онъ является въ столь многихъ отношеніяхъ, нельзя судить по внѣшнимъ его проявленіямъ. Вышеупомянутый лозунгъ есть боевой кличъ большевизма въ станѣ непримиримыхъ враговъ. Это не его идейная подоплека, это его оружіе въ борьбѣ съ буржуазіей, которая до сихъ поръ строила соціально-политическую жизнь человѣчества на другомъ и противоположномъ лозунгѣ: «кто не имѣетъ денегъ, тотъ не ѣстъ». По сравненію съ этимъ отмѣнно эгоистическимъ лозунгомъ большевистскій лозунгъ достаточно уже благороденъ и идеаленъ; и практически является прямымъ предверіемъ къ понятію полной трудовой незаинтересованности. Соціально-политическое зло въ человѣчествѣ идетъ не отъ того, что человѣкъ для того, чтобы ѣсть, долженъ трудиться, а отъ того, что онъ хочетъ наживаться и путемъ наживы угрожать народнымъ массамъ голодомъ и, такимъ образомъ, повелѣвать ими.

Революція вообще вещь столь же ужасная, сколь и великая; столь же отвратительная, сколь и прекрасная. И это потому, что таковъ именно человѣкъ, какъ то явствуетъ хотя бы изъ великихъ трагедій Шекспира.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Вступленіе 3

Краткія данныя по исторіи большевистскаго движенія 9

Программа и дѣйствительная практика большевизма у власти 24

Большевистская философіи 38

Философія большевизма 48

Послѣсловіе 58